

Совет Лунтов

и
плачущие слёзы ангела

Е
В
З
Е
Н
И
И

К
О
З
Л
О
С

12+

Евгений Александрович Козлов

Совет Зонтов и плачущие слезы ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55305411

SelfPub; 2020

Аннотация

История повествует о небольшой деревушке, на которую однажды обрушился непрекращающийся жестокий дождь, о том, как взрослые жители, приспособившись к этому новому образу жизни, выстроили целый город над глубоким морем, но утратили способность радоваться и улыбаться. В Городе Дождя суждено было родиться непоседливому веселому мальчику Эвану, который, идейно сплотив своих не менее радушных друзей, ради спасения города организовал Совет Зонтов, о приключениях которого будет поведано в оной повести.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая: Когда кончится этот дождь? Где мои белые тыквы? Сколько нужно пинков одному назойливому клоуну?... и другие не менее важные вопросы	6
Глава вторая: Моторная лодка + Дизи = незабываемое путешествие на тот свет. Рассекречивание сокровищ миссис М. Воздушный путь напрямиком в небеса. И другие гениальные идеи Совета Зонтов	47
Глава третья: Радость или пакость?	60
Глава четвертая: Полет как точная наука. Крылья, перья и воздушный шар. И почему люди не летают?	78
Глава пятая: Акробатика как причина перелома. Последние приготовления. И, я не сдамся, слышите!	103
Глава шестая: Два билета в один конец. Взлет без падений, не считая одного. И как же здорово быть ребенком!	112
Глава седьмая: Виновница дождя. Настоящий полет на настоящих крыльях. И почему так тяжело прощаться с привычной болью	120

Предисловие

Тайна моего рождения безмолвно покоится на беспросветной глубине вод забвения и пыли, где навеки погребена в промерзлых туннелях затонувшей библиотеки моя бесславная судьба, ибо я единственный зритель той слезной трагедии, он же и в ней непосредственный участник.

Известно мудрецам, что вода способна запоминать, помнить чужие обещания и клятвы, данные любовно, скрепленные вечностью вод. И по сей день неустанно хранимо ею сей приснопамятное служение, она созидает обо мне нерукотворный памятник, воспевая славу оскудевающим приливными и отступающими волнами. Ведь в нашем укромном уголке неизвестной, никем неоткрытой земле, у опечаленных людей неприято разглашать злополучные сведения о столь ужасном происшествии, произошедшем так неожиданно, столь негаданно скоро. Настолько опрометчивым сталось сие событие, отчего жители нашего городка, позабыв весомые влажные беды свои, валяющиеся на их оскудевшие головы, оставили разглагольствования бредовые, дабы направить своё досужливое внимание в иное маловажное русло. Оно заключалось в простом обыденном проявлении себя, своих пламенных чувств, душевной боли или сердечной любви...

И когда я родился, появился на свет, я тут же заплакал,

источая живительную влагу впервые отворенными своими очами. Именно тогда все люди находящиеся на верфях, сидящие в лодках, либо мирно ужинающие в своих укромных укрепленных домах, заворчали, побросали сети для ловли рыбы, настезь отворили окна, наострили любопытствующие растревоженные уши и не без сожаления слушали рыдания одного новорожденного мальчика, затаённо внимали тем давно, казалось бы, навеки позабытым голосовым звукам. В тот гадкий непогожий день скорбь их не имела предела, речи не вязались в спутанный клубок слухов и выдумок, не просачивались в сито всевозможных домыслов, их работа лениво не двигалась с мертвой точки, совесть людей бунтовала, пророча будущие напасти. В общем, сказать по правде, день моего рождения всем запомнился надолго, тот день выдался жутко противоречивым для всех горожан города прозванным “Персифаль”, который для редких острословов до сих пор именуется – “Городом Дождя”.

Глава первая: Когда кончится этот дождь? Где мои белые тыквы? Сколько нужно пинков одному назойливому клоуну?... и другие не менее важные вопросы

Рано утром под бой трезвонящих курантов, рьяно лентясь и лениво возмущаясь, не открывая заспанного рта, проснулся мальчик – гордо носящий знамя сей малой возрастной категории, эдакий сорванец. А впрочем, нужно ли обзывать себя как-либо или быть кем-либо, или называть других таким уменьшительно-ласкательным прозвищем, для многих обыденным обозначением? Для чего и зачем? – сразу же натывается отрок-философ на маловажные утренние вопросы, но отвечает легко, нисколько не задумываясь над ответом – незачем, когда есть имена. И как раз стоит упомянуть имя мальчика. Да будет вам известно, все его величают – Эваном, точнее звучит и пишется полным образом примерно так – Эван Слезноплачущий. Дабы не запутаться в инициалах, разберем по порядку: первое это имя, которое ему даровала вечно веселая бабушка Мария, старушка из древнего доисторического поколения; второе это фамилия является

чем-то побочным и легковесным, по складу, будучи двусоставным, оно не создает никакой заинтересованности и даже малого интереса. Однако хорошенько научно приглядевшись, чуть почистив гранит прошлого, мы обнаружим достоверный факт, говорящий о том, что по поводу происхождения сей фамилии произошел когда-то некий внушительный скандал. Ведь рождение мальчика, сопровождающееся слезами, не влекло за собой ничего хорошего, это было ясно с первого дня, посему именно на этой затруднительной почве фамилию ему придумали родители, дабы отвести от сына всевозможные дурные толки и нескрываемо злорадные насмешки. Посему дали легко выговариваемую фамилию, почти как у соседской собачки с кличкой Плакса. Но вот само лексическое строение фамилии непростое, нелегко выговаривать такую длинную фамилию, видимо потому, обращаясь к мальчику исключительно только по имени, в обыденной жизни мало о ней кто вспоминал. Эта фамилия сущая нелепица – так любили многие поговаривать. По этому поводу существует одна давнишняя легенда. Старушка Мария всегда очень любила рассказывать внуку ту басню, сложенную из разрозненных кусочков из реально произошедших комичных событий. Звучало примерно так (стоит напомнить о том, что бабушка говорила сквозь расшатанную временами неловко выпрыгивавшую вставную челюсть, потому многое оказывалось упущенным для вдумчивого восприятия). Однажды дедушка, заядлый любитель кричаще поспорить и

азартно поиграть на что-то яркое и звенящее в чужих карманах, всегда готов был продать всё своё имущество, отдать всё накопленное честным трудом за несоразмерный выигрыш, что, безусловно, было дурным поведением. Впрочем, он при своём злом азарте всё-таки умудрился не продать свою бесценную душу, вовремя отвергнув все эти бесполезные игры. Но тогда, в молодецком прошлом, он, как правило, крайне пасмурными вечерами выходил из трактира совершенно голым, в одной набедренной повязке состряпанной из какой-то тряпки, нисколько не принижено, будто юродивый гордо вышагивал по родному городу, словно не слыша чужие пересуды ропотного скряжничества. Он нескрывая обладал непогрешимым нестяжательством, после, конечно раскаивался в проступке своём. Так вот, однажды, когда дедушкины золотые запонки чудесным образом оказались в промасленных шулерских руках удачливого соперника, дедушка решает немного пошутить из-за отчаяния его захлестнувшего, видимо поэтому предложил тому поиграть на буквы. Именно тогда он впервые в своей жизни выиграл целую настоящую неосязаемую букву, точнее букву “д”, столь остроумно позаимствованную из фамилии старого ворчуна мистера Догра, которого отныне зовут никак иначе как – мистер Огр. Победа эта далась дедушке на удивление легко. Видимо судьба порою любит преподать несколько важных уроков джентльменства всяческим нечистым на руку негодьям, в особенности редкостным шулерам. Еще множество шутли-

вых историй сказывала бабушка, под рокот которых вы ни за что не заснете, особенно слыша характерный свист съехавшей челюсти, надорвете животы по причине сдавленного смеха. Но о них будет поведано чуть позже, немного погодя.

Итак, впредь извольте называть мальчика просто – Эваном, хотя родители долго сопротивлялись с оным сокращением, всё же вскоре смирились с некоторыми его причудами, либо попросту привыкли к тому. И когда мальчика спросили – для чего он так необдуманно поступил, возмутительно позабыв свою фамилию, то тот ответил безукоризненно нахально, сославшись на бабушкин рассказ, что якобы сначала выиграл, затем проиграл, и впоследствии осталось лишь одно имя. На том все и успокоились.

Кстати, Эван ещё тот шутник, главный талантом которого, коим он, несомненно, обладает, является умение оправдываться, да так убедительно, что верят ему все без исключения, даже он сам порою начинает верить своим, слегка, раздутым историям. Однако возраст его вполне серьезен, полных лет ему исполнилось, не поверите, целых двенадцать, скоро будет тринадцать, а не за горами и все четырнадцать. Но, к сожалению, его День Рождения не празднуют, потому что тот дождливый день выдался, ни на редкость превратным, потому в этот день всегда вопрошает у родителей – почему, почему я не такой как все, но те в ответ лишь радушно пожимают плечами. Вообще, Эвана в городе мало кто любит, лишь некоторые старшие представители пожилого поколе-

ния, не утратившие чувство умура, понимают его, являются своеобразным малым исключением из всеобщего пессимизма и отчужденности от внешнего не слишком веселого мира. Нередко говорят, что удачливый человек родился в рубашке, он же явно появился на свет в колючем шерстяном свитере тетушки Марты, которые она с всепоглощающим воодушевлением и безмерной радостью дарит всем на Рождество. На каждом свитере она саморучно вышивает кусочек рисунка, некий загадочный пазл. К сожалению, пока что собрали лишь половину того шерстяного витража. И особенно рьяные собиратели пазла боятся скорого ухода старушки в мир иной, на Небеса, на самом интересном месте, на последнем фрагменте. Хотя их опасения необъективны, ведь старушка каждый год обещает удивить своих немногочисленных поклонников чем-нибудь этаким разэтаким, и те не прекословя, принимают дары, невнятно благодаря, складывают колючие подарки в набухшие ящики. А когда наступает время визита тетушки, тогда свитера бережно укладывают на полу, показывая тем самым наглядное одобрение её причуд. Ведь старикам так мало надо для счастья, а у нас столько молодых сил, чтобы сделать их чуточку счастливей, даже тогда, когда их подарки больше похожи на расплюснутые кактусы.

Стоит упомянуть, что Эвану в силу его смышленного возраста или вздорного характера, всегда нужно что-то познавать, выведывать, одним словом он – непоседа. И ко всему прочему вдобавок подстрекает других детей на всякого рода

игривые шалости. Потому-то в глазах окружающих его персона окрашена в негативный окрас, особенно у того, кому он особенно насолил, поперчил и приправил дело своё мексиканской острейшей горчицей.

Известно, что процесс просыпания, вставания и умывания – самые сложные из утренних обрядов, не говоря ещё и об открытии заспанных глаз. Можно конечно попробовать в слепую проделать те хитрые телодвижения, что мальчик однажды попробовал, однако, стоит напомнить, что опыт прошёл крайне неудачно. Было примерно так: Эван благополучно на ощупь, кое-как, добравшись да ванной комнаты, взял зубную щетку в руку, после как полагается начал чистить круговыми движениями зубы. Но тюбик оказался не с чистящим средством, а с нежным маминым кремом для рук, вкус, честно признаться, оказался отвратительным, запах еще ничего, но вот вкус, сравнить можно было только со слизняком... брр, вспоминать и до сих пор неприятно. Всё же, после недолгих воспоминаний, ему пришлось открыть заспанные глазки, отчего комната медленно прояснилась. Тусклый синеватый свет исходил из окна, однотонно и не ярко рассыпаясь по вздутому одеялу, впрочем, как всегда. Потянувшись так сильно, отчего косточки затрещали, он сел на самый край кровати, заспанно оглядевшись по сторонам. С виду он обычный мальчик, волосы на его голове средней длины, “Не будь как девочка” – каждый раз говорила ему мама, беря в руку ножницы и расческу, и с их помощью с миниа-

тюрной точностью выстригала ненужные, как она полагала космы. “Но разве я виноват в том, что мои волосы растут, значит, они мне для чего-то нужны” – возражал он, смотря на свои белесые волосы, как будто у младенца, хотя он уже давно не мал, хотя по выкрикам родителей, доносившимся после его очередной раскрытой шутливой выходки, так точно не скажешь. Также у него худощавое телосложение, в этом нет ничего необычного, это характерная особенность жителей города, лишним весом здесь давно уже никто не страдает, все похожи на шнурки, можно предположить, что по причине овощной и консервной диеты столь они худосочны, но это не так, видимо, сама пасмурная атмосфера предполагает излишнюю худобу. В комнате, простите за ошибочку, точнее в “его комнате” не так много вещей, только необходимые. Ранее, вернее год назад, если быть предельно точным, здесь располагались кучи разнообразных игрушек, они были раскиданы по углам, висели на потолке, повсюду и всюду. Игрушки, исключительно созданные своими неумелыми руками, потому что положение в семье таково, что Эван порой бывает обделенным, получает в меру своей значимости. Ныне его небольшая по размерам комната совершенно пуста, куклы отданы сестричкам, а все игры проходят и имеют место лишь на поверхности, там за герметичным окном. Стоит упомянуть, что у него есть две младшие сестренки, одной три годика, другой четыре, похожи так, будто родились в один день, посему разница в их возрасте особо не наблюда-

ется. И зачастую общее внимание родителей обращено непосредственно к той паре милашек, что вполне закономерно.

Итак, продолжим. Вскоре Эван по инерции оделся, заправил постель, дабы не получить выговор, отыскал под кроватью резиновые тапочки, ведь в Персифале вся обувь исключительно резиновая, и удивляться этому факту не стоит. Затем он кое-как умылся, намочил ладонь и пригладил волосы, так чтобы получилась челка на пробор, сойдя тем самым за интеллигентного, воспитанного человека. С таким важным видом он вышел из комнаты, напрямиком направившись на кухню. Где семейство в полном составе ожидало оладий и свежего морковного или томатного сока. Папа тем временем пристально читал газету, облепленную прозрачной пленкой, на заголовке которой значилось нечто очень важное, крупным шрифтом было напечатано:

7305 день от начала дождя. С тех пор минуло 20 лет.

Сестрички почему-то всё время зазорно хихикали, насмешливо смотря на Эвана, словно два колокольчика, звонкие и очень надоедливые.

– Доброе утро Эван, ты сегодня, странно, не проспал. Может ты заболел? Дайка потрогаю лобик. – сказала мама.

– Доброе утро всем! День сегодня замечательный, разве можно пропустить всё самое интересное. А как известно всё самое заманчивое происходит, когда этого не ждешь, случа-

ется в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. – радостно проговорил мальчик.

– И что ты сегодня намерен делать, если не секрет, конечно. – поинтересовался отец оторвавшись от беллетристики.

– Это решит “Совет Зонтов”. – причмокнув без запинки огласил Эван.

– Совет...кого? – дружных хором спросило непросвещенное семейство.

Девочки в бледно-розовых платяницах только пуще заулыбались.

– Эх, вряд ли вы поймете. – вздохнул мальчик. – В общем, туда зачислены: Сэм, Мокрый Джеф, Дизи и Анжелика. Куда ж без неё, везде сует свой девчачий нос.

– Когда же вы повзрослеете... – пробубнила матушка, переворачивая очередной блинчик на сковородке.

– А что, и я некогда входил в тайное общество, в закрытый клуб так сказать, во времена учебы в колледже. – задумался вслух папа.

– И мы решили бороться с дождем! – гордо выпалил мальчик.

– Бороться? Да он никогда не окончится, сопротивляться попросту бесполезно. Вчера смыло все северные балки, уровень воды поднимается с устрашающей прогрессией, нам никогда не справиться с этой мокрой стихией. Защитные сооружения строятся каждый год, и каждый год ремонтируются. – на последнем слове отец запальчиво бросил газету на

подлокотник кресла не став дочитывать статью о тяжелой ситуации с древесиной.

– Не отчаивайся Марк. Мы живы и это главное. – ободряюще сказала мама.

– Понимаю. – согласился тот. – Что ж, мне пора. – поцеловав супругу он произнес. – Пока дети. Вечером увидимся, и не забывайте слушаться маму.

Тяжело отворивши дверь, после чего послышался резкий отклеивающийся звук, папа неслышно вздохнул. И стоя на пороге дома произнес.

– Когда кончится этот злополучный дождь? – спросил он у небес, после чего направился на работу.

Эван, как всегда, с детской непосредственностью и непоследовательностью, недоев, встал из-за стола, обязательно взявши напоследок на всякий непредвиденный случай несколько шоколадных конфет, тем самым крайне обделив сестричек, которые уже давно замыслили скорейшее поедание всей вазы со сладостями. Что ж, не впервой их карамельные планы рушатся, зато займутся другими делами, может быть помогут маме по хозяйству – подумал Эван, косясь на их расстроенные личики. Затем он неспешно начал одевать непроницаемую для влаги куртку, любимую шляпу с полями, с прорезами для стока воды. И это, скажу честно, довольно забавное зрелище. Представьте себе, идет человек в такой шляпе в окружении тонких струек воды льющихся со всех сторон. Интересно выглядит, не так ли? Кто выдумал

сей удивительный головной убор никто уже и не вспомнит, но жители городка предпочитали носить именно такие шляпы.

Тут мальчик уже почувствовал свежий запах улицы, как мама его окликнула, на что ему пришлось отозваться и приостановить подготовку к великим экстраординарным свершениям, поставить на паузу тот увлекательный фильм его мечтательных мыслей.

Мама говорила учительским тоном, вызывая к потаенной совести сына.

– Не забудь заглянуть к миссис Магнолии и к мистеру Чарку. Сегодня твоя очередь помогать им, ты обязан выполнять любые их прихоти добросовестно, со всем почтением их возраста. Ты меня понял?

Тут она вопросительно воззрилась на сына.

– Но мама, только не сегодня. Совет Зонтов соберется без меня, и что они решат, придумают какую-нибудь глупость, как всегда. – отнекивался Эван в полной мере осознавая заведомое поражение.

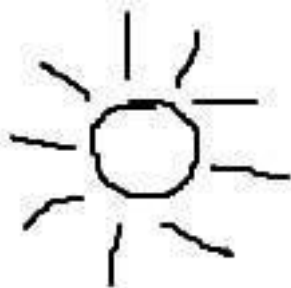
– Ступай и не противься. – огласила мама своё последнее слово.

Разве имеет смысл сопротивляться, вот уж нет, и можно ли выстоять перед строгим взглядом матери, ни секунды. Есть лишь бескомпромиссные обязанности, кои возложены на хрупкие рыцарственные детские плечи. Посему неукоснительный долг всех детей в Персифале заключался в помо-

щи старикам, дети помогали людям неспособным к быстрым движениям, кои столь необходимы в Городе Дождя. Однако среди пожилых людей, выбираться наружу могли лишь единицы, лишь крепкие бывшие спортсмены, которые никак не могут свыкнуться с ветхой данностью своего теперешнего возраста, остальные же мирно ютятся в своих домиках, вспоминая навсегда ушедшее прошлое. Поговорить им не с кем, поделиться тучными фотоальбомами и пыльными воспоминаниями также, посему рассказывают пару, тройку небылиц или сказок тем маленьким пронырам и “милушкам”, как любят величать сих юных помощников пожилые дамы. Сохранившие знание о своей красоте, хотя и со временем угасшей, они всё же не потеряли с годами чувство собственного достоинства. Зачастую дамы являются вдовами или чаще всего незамужними старыми девами, ибо когда начался дождь, спасая свои жизни, многие перестали мечтать о бракосочетании, никто не стремился обзавестись семьей, однако казалось бы, должны были наоборот сплотиться. Но, к сожалению, горе погружает людей в свои насущные проблемы и личные душевные переживания, редко кто в те минуты вспоминает о ближних своих. И с тех пор забота о престарелых жильцах города взвалена на детскую долю, впрочем, они исполняют то не всегда без ропота. Так молодость помогает старости, и это нисколько не странно, ведь по целым дням взрослые заняты нескончаемой работой по продлению жизни города Персифаля.

Тем временем, Эван, наконец-то, полноценно собрался. Надел на ноги резиновые рыбацкие сапоги, положил в карман куртки сдутый маленький надувной круг, перевесил за спину зонт, заостренный на конце, в общем, в скором времени приготовился к труду. Обидно ему, конечно, оттого что он пропустит столь важное совещание по спасению мира. Все же мир никуда не денется – столь мысленно самоуверенно заметил он и поверил в этот неопровержимый факт.

Напоследок попрощался с родными, и, как заведено, сотворил один добрый жест. Окна в доме всегда запотелые, поэтому рисовать на них очень удобно. Таким образом, подбежав к стеклу, своим пальцем он начертил быстрый рисунок, мгновенно порадовавший сестричек, даже мама чуть улыбнулась скромными уголками рта. Простой символ того, чего уже давно никто в городе не видел, а некоторые и вовсе видали лишь на картинках, многие позабыли о том, как оно выглядит. Вот так:



В приподнятом настроении мальчик покинул дом, плотно закрыв за собою дверь, дабы вода ненароком не просочилась через щели. Множество случаев затопления происходило, из-за простой забывчивости. Некоторые жильцы ближайших домов даже просыпались лежа на кровати, плавающей на воде подобно лодке, в метре от пола, что было достаточно опасно, ведь утонуть во сне легче легкого.

Вообще и в частности, по правде говоря, в Городе Дождя не так уж и благополучно живётся, все эти нескончаемые угрозы затопления, постоянные грозы и бури, что только не претерпевают жители. Но сегодня на удивление погода была спокойна. Эван устремил свой взгляд вверх, и увидел, как стеклянные крыши туннелями ведут от одного дома к другому. Затем посмотрел вниз, здесь можно не намокнув безопасно ходить по своеобразным мостам на довольно внушительном расстоянии от уровня земли, а точнее моря. За всю свою историю, неоднократно Персифаль поднимали практически со дна, и выстраивали очередной этаж. Верхние стеклянные крыши города полностью прозрачны, через них безупречно видятся бьющие капли бесконечного дождя, кажется, они вот-вот разобьют стекло, но крыши, обладая крепостью, не поддаются угрозам дождевого натиска. Если здесь вы посмотрите на небо, то вы не увидите облаков, столь нам привычное зрелище, лишь стену дождя мы различим и более ничего. Солнце давным-давно скрылось и где-то вдали всё

также греет, но застенчиво не показывается. Здешнее небо походит на опечаленного человека, который горько плачет, он по-прежнему живой и сострадательный, однако желает скрыться от глаз людских, не хочет показать свою слабость. И естественно по обеим сторонам крыш прикреплены стоки, по коим ручьями постоянно и непринужденно льется вода, тем самым электричество воспроизводится повсеместно и регулярно, освещая многочисленные домики. Ибо задолго до рождения Эвана, поблизости архитекторы соорудили огромную мельницу нового образца.

Я понимаю, что вы прибываете в нетерпении, хотите узнать, куда же направится мальчик, так ли беспутен его нрав, или то лишь слухи. Но прежде, покуда он неторопливо ступает по скользким мосткам, позвольте поведать вам одну интереснейшую историю.

Итак. В начале, так такового города не было, а вместо него, на этом самом месте располагалась вовсе не маленькая деревушка, потому в Персифале все дома сооружены исключительно из дерева, и весьма удачно, ведь поднимать в воздух тяжелые каменные сооружения стало бы невозможным делом.

Смотрите-ка, за это время Эван уже преодолел половину пути, потому будем куда поспешней просматривать эпизоды из далекого прошлого. И только затем последуем за мальчиком, который весело шагает к миссис Магнолии насвистывая мелодию, услышанную им от Мокрого Джефа. Давайте-ка

вернемся в те роковые дни.

Итак, в один прекрасный день, светило солнце, по синему небу паслись воздушные белоснежные овечки и другие парящие животные, это смотря как представить, может кому-то больше нравятся черепахи, в общем, в мгновение ока небо нахмурилось и приобрело серый оттенок лица мистера Чарка, после чего закрапал мелкий дождик. Дети выбежали на улицу, начинали прыгать по лужам. Они сооружали кораблики, зачастую, то были всего лишь пластмассовые пробки, внутрь которых приклеивали пенопласт, и они неслись вдоль малых рек, даря тем самым детям веселье и игровое настроение, ведь так интересно узнать, чья пробка первой достигнет финиша. Дети радовались тому стихийному порыву. Но через некоторое время, минул день, два, неделя, а дождь не прекращался, влага не успевала испаряться и уходить в землю. Мало кто из взрослых придавал этому обстоятельству особое значение. Тропический ливень – ну и что? Те, кто сомневался, вскоре воочию осознали неминуемые проблемы, когда их дома просто-напросто поплыли, соскальзывая с фундаментов, чуть покачивались из стороны в сторону. Именно тогда-то люди не на шутку обеспокоились, нужно было что-то делать. На общем собрании в плавучем доме культуры решили перестроить деревушку, на случай, если дождь в ближайшие несколько дней не прекратится. Некоторые самоуверенные смутьяны ещё надеялись не прекращение стихии, но заградительные меры предпри-

няли незамедлительно. Плотники основательно занялись перестройкой домов. После чего их руками был сооружен целый город. Они строили навесы и мосты, рубили деревья и складировали древесину в специальные хранилища, потому что вода вскоре поглотила деревья вместе с их верхушками. Блуждает в народе одна шутка, будто накануне празднования Нового года, смельчаки нарядили торчащий из водной глади кончик ели, наутро коего и след простыл. Персифаль в нынешнем его виде явно смахивает на затонувшую Венецию, но тогда он был похож на эльфийский город. А что было дальше вы и так знаете. Ныне горожане живут под непрекращающимся дождем. Ученые твердят, что это всего-навсего стихия, каприз природы. Священники говорят, что это всё ради поучения людей, такова воля Божья. Однако как бы люди не спорили, влага по-прежнему ниспадает с усталых небес, затопляя всё внизу. Посему вскоре прибывая в постоянном страхе отчаяния, взрослые сдались в плен унынию. Взрослые постоянно печалются и произносят слова ропота каждый прожитый день. Только невинные дети не разучились радоваться и улыбаться по всяким мелочам.

Многие горожане настолько возненавидели воду, отчего их дети начали рождаться без слез, с тех пор никто из новорожденных и повзрослевших детей не плакал. И вот однажды появился на свет мальчик не такой как все, ибо он заплакал в ту ночь, обрекши себя на вечное недовольство соседей, в их глазах он уже тогда казался непослушным бунта-

рем. Он родился в угрюмом мире, в мире из которого еще никто не смог выбраться. Ибо куда-либо плыть бесполезно, каждое плавательное средство немедленно наполняется водой, набухает и ломается. Он родился для того чтобы совершить нечто великое, видимо потому, порою, помышляет о том. В детстве мы не движемся к закономерным целям, лишь живем, нисколько не задумываясь, сколь запутанно устроена наша судьба.

С тех давних пор мало что изменилось, горожане также угрюмы и безрадостны, погрязли в суетной угнетенности. С каждым годом теряют надежду обрести избавление от непогоды.

Эван, будучи ребенком, как любил говорить старый священник – “кто подобен дитю, тот окажется в Раю”, родившись в данных суровых условиях, свyksя с ними, гораздо быстрее, нежели многие взрослые.

Первой в его списке помощи значилась старушка Магнолия, прославленная королева конфет, не удивляйтесь, а как иначе можно объяснить те запасы сладостей, которыми она обладает, еще вдобавок она немного глуповата или же особо умна, никто толком не знает. Но одно ясно со всей ясностью, она всегда подходит близко-близко к наивному гостю и кричит во всё горло, таким оркестровым образом, из нее всегда вырывалась речь, причем не бранная, а очень даже культурная. В те моменты, её, безусловно, слышно, да еще как

слышно, вот только, зачем так кричать, никому не понятно. Может она думает, что все вокруг глухие? Что, правда, то, правда, у многих взрослых притупились чувства, они не видят прекрасного, не слышат песнь небес и не осязают тепло душ человеческих. А так на второй взгляд старушка вполне добра и всегда не забывает угостить гостя чем-нибудь вкусненьким, не считая некоторых странностей, коими обладают все дожившие до старости. Как всякая дама, года свои она не признает и всячески отрицает, скрывает точные цифры, но по числу рассказанных ею историй, невольно напрашивается вывод, что ей достаточно много лет. Помимо прочего известно, что старушка известная заядлая барахольщица. Зная о том, строители неминуемо дивятся сему, ища причину, почему её дом под тяжестью вещей не рухнул. Одним словом, сплошные загадки. Дом располагался неподалеку, потому и прогулка под навесными дорожками оказалась не так продолжительна, как хотелось бы мальчику.

Капли резво стекают по крышам, пытаюсь пробить брешь в стекле, какой привычный для Эвана звук, в раннем детстве звучал для него вместо колыбельной. И вот уже показался розоватый домик, чуть покосившись, он стоял за следующим поворотом. Подойдя ближе, вытерев сапоги об изрядно промокший коврик, Эван вплотную приблизился к входной двери, дернул за ниточку, затем зазвенел колокольчик неуместно крупных размеров, и вскоре послышались скрипы половиц, означающие скорое появление хозяйки. Дверь глухо от-

ворилась. Показалась старушка с пышными седыми волосами, и это единственная отличительная черта её внешнего вида, ведь другие старушки, как правило, красят волосы в кислотные цвета, избавляясь тем самым от ненавистной седины.

Она прищурилась, дабы лучше разглядеть незваного гостя, затем в своей непревзойденной манере прокричала.

– Где мои белые тыквы?

– Что? – недоумевая немного отшатнувшись, спросил Эван.

– Ах это ты мой мальчик, а я вот ненароком приняла тебя за почтальона. – проговорила миссис Магнолия.

– Белые тыквы, разве такие существуют? Не подумайте, что я обвиняю вас, нет, просто интересно.

– Входи, и не забудь вытереть ноги. О, это долгая история. – сказала старушка впуская мальчика в свой дом, вплотную захлопывая за ним дверь.

Как описывалось ранее, дом старушки оказался роскошным во всех отношениях, даже приятным на вид, особенно воодушевлял веявший аромат всякого рода вкусовостей, который плавно подкрадывался к носу мальчика, затем переходил в легкие и рассасывался ванилью по телу, насыщая и успокаивая. Лишь раз, побывав в сей обители сластен, уйдешь отсюда сытым и довольным, даже не отъедав и крошки. Здесь сладостей полные погреба. Жаль, что уже подташнивает от лимонных леденцов, коими не брезгуют все старики, ведь у них ставные челюсти, отчего шоколадные и тянущие-

ся конфеты пристают к их зубам, потому стекляшки больше им по вкусу, которые, кстати, могут жить в воде, не портясь, однако иногда взрываются, если с шипучкой внутри. Жаль на весь город только старушка Магнолия, имеет имя как у цветка и балуется детскими забавами всевозможных видов, что очень кстати, самое настоящее везение для маленьких попрошаек с умиленно вопрошающими глазками. Эван в свою очередь выработал некий план, по которому легко можно выпросить пару “сосачек” практически ничего не делая. Способ очень прост.

– Снова ты улыбаешься, как миленько. – сказала старушка растянуто и протянула морщинистую руку с тремя конфетами.

– Красная, желтая, и оранжевая – самая вкусная. Спасибо. – поблагодарил Эван.

Улыбки в городе стали подобны ветхим артефактам, или гениальным талантам, самой настоящей редкостью, если быть точнее, потому то и одинокая старушка умилилась и вспомнила былые времена, когда люди еще не позабыли, что значит радушно улыбаться.

– Меня прислали помочь вам, но насколько я вижу, со всем вы справляетесь сами, значит...я...пойду. – отнекивался мальчик убрав руки в карманы куртки.

– Погоди-ка, а как же мои белые тыквы. – начала возражать старушка.

– Это долгая история. – передразнил её Эван. – Как я могу

принести то, не зная чего? Может это овощи привидения, тогда проблематично будет поймать их, призраки я слышал, бестелесны.

– Помнится у меня одна упала на пол и разбилась на куски, долго убирала осколки потом, что означает их осязаемость, раз пачкают ковер. – проговорила старушка.

– С сим утверждением, насущным аргументом не поспоришь. – серьезно вымолвил Эван.

– Какой же праздник без угощений. Какой же праздник без гирлянд, кто, по-твоему, будет отпугивать всякую нечисть.

– Они скорее привлекут любопытные паучьи глазки, ведь такого зрелища ещё никто не видел. – насмешливо сказал Эван. – Надо подумать... Ага, первая зацепка есть, может, вы выращиваете овощи альбиносы? Так, показывайте где у вас теплица. – старушка в ответ лишь вздохнула. – Что? Нет! Тогда их попросту ради шутки покрасили белой краской, а вы поверили и до сих пор считаете, что они на самом деле существуют, эти ваши крашенные белые тыквы.

– Тогда бы я учуяла дурной запах краски. – старушка в очередной раз вдребезги разбила все предположения мальчика.

– За что вы мучаете меня, миссис Магнолия. – не выдержал Эван. – Это полная бессмыслица.

– Что ж, подумай, поразмышляй, времени у тебя много.

– Смилуйтесь, распишитесь и отпустите меня. – округлил

жалобно глазки мальчик.

Всем детям выдавали листки, предназначенные для подписи, после свершения успешной помощи старики на них расписывались.

– Вот сейчас попьем чаю и придумаем что-нибудь. – не без умысла произнесла старушка.

Эван прекрасно знал, что именно означает старушечье “попьем чаю”. Миссис Магнолия таким коварным наивным способом ухаживала и приготавливала свою жертву к главному своему удовольствию, ведь далее должны были последовать длинные, очень длинные истории из жизни старушки. Более скучного и бессмысленного времяпровождения не придумать и во сне, даже Анжелике. Мальчик несколько раз попадался в те коварные сети, в той паутине прошлого, ощущал себя словно в коконе, в котором с места сдвинуться нельзя. Конечно, есть возможность подделать подпись, только вот незадача, дети в Персифале не знакомы с каллиграфией. Во-первых, неудобство положения ухудшается самой миссис Магнолией, которая кричит, во-вторых, забывает нить повествования и начинает рассказ с самого начала, отчего слушатель зеваёт во всю ширину своего рта. В общем, проблему нужно было решать незамедлительно.

Старушка разлила по кружкам душистый чай старого образца, причмокнув, принесла вазу с конфетами. “И почему только дети так сильно мечтают о шоколаде, а приобрести его не могут, старики же, у которых и зубов то нет, вдоволь

уплетают деснами всяческие вкусоности; нужно будет выяснить” – подумал Эван. Также она присела в кресло-качалку напротив Эвана, готовясь к восстановлению короткой памяти. Мальчик серьезно задумался вслух.

– Что бы предпринял на моем месте опытный сыщик?

– Какая пуся, словно маленький Шерлок Холмс. – иронично заметила миссис Магнолия.

От уменьшительно-ласкательного прозвища “пуся” явно имеющее последнее место в лексиконе годовалых детей, Эван поморщился, но вытерпел умилительное унижение.

– Нужно искать улики, следы, отпечатки пальцев, или капли крови, если конечно ваши тыквы были якобы раздавлены, что не исключает строгий анализ происшествия. Или это обыденное похищение, с целью выкупа. Тогда, ждите, скоро вам принесут телеграмму с баснословной суммой залога, и уверяю вас, одними конфетами вы не отделаетесь. – сделал сосредоточенное лицо мальчик.

– Откуда, скажи на милость, такая осведомленность? Странно это всё, тебе так не кажется?

– Нет, это исключено. – отрезал он. – Тогда я бы уже начал набивать свои щеки сладостями, имея у себя предмет вашей слабости. Но как сами видите, я покоюсь в строжайшем замешательстве. Куда они могли деться, эти так называемые белые тыквы? Запутанное дело выходит. – Эван побагровел от мыслительного процесса. – Итак. Для начала предлагаю осмотреть комнату. Вы согласны?

– Никак нет, мистер детектив. – игриво театралью запротестовала старушка.

Мальчику нужно было только встать, взглянуть на сервант, затем плюхнуться обратно в кресло, съесть самую большую конфету в честь победы, и широко улыбнуться.

– Миссис Магнолия, смею высказать свое мнение. Именно вы, да-да, именно вы виновны в столь двусмысленном происшествии. По неосмотрительности вы не заметили, что ваши белые тыквы мирно покоятся в том стеклянном шкафу. Ваши тыквы на самом деле фарфоровые, потому белые, и предназначены для сохранности сахара или соли, в общем, для чего-то съестного.

Старушка обрадовалась, словно малое дитя.

– И вправду, это они, мои салатницы. Вот скоро поставлю их на стол, но прежде испеку тыквенный пирог.

– Эх. – простонал Эван. – А я думал, будет трудней. Но раз задание выполнено, то я, наверное, пойду.

– А как же награда? – остановила его миссис Магнолия.

– Вот распишитесь. – выбрал он себе поощрение в виде долгожданной свободы.

И вправду затея оказалась гораздо проще, чем он совсем недавно предполагал. В душе своей, безусловно, во время проведения следствия представлял самые обычные тыквы, но почему-то белые, впоследствии оказавшиеся простой посудой. Вот так бывает, когда не понимаешь человека, его особенность, его странность.

Набив карманы сладостями, с леденцом за впалой щекой, Эван выбежал на улицу, махнув старушке на прощание небрежно рукой. Миссис Магнолия ему вдогонку лишь посетовала на свою всегдашнюю забывчивость. Увы, потери предметов обихода будут продолжаться и впредь, но хорошо, что в Персифале завелась интеллектуально выдрессированная ищейка, способная одним мгновенным взглядом найти любую пропажу. Совсем недурно, для новичка, не правда ли? Впрочем, закорючка старушки выведена на бумаге, значит, в списке остается только мистер Чарк, сложная, даже можно сказать невыносимая личность с манией преследования и патологической нелюбовью к детям. Последнее изрядно отличает его от других стариков.

Навстречу Эвану громко маршировал низкорослый Сэм, в такой же дождезащитной одежде, только без шляпы, как всегда сопя и шмыгая носом, однако, стоит заметить, находясь в кругу знакомых, он себе такого никогда не позволяет. Раньше тот мальчик всячески стремился занять главенствующее место в Совете Зонтов, постоянно унижая Эвана, подставлял ему подножки, всегда спорил и вёл себя крайне некультурно, но бесхитростно. К счастью, однажды Сэм влюбился в девочку Анжелику и тут же растерял всю свою гадливую хватку, размяк словно слюняй, начал пучить глазки и пускать розовые пузыри, стараясь обоими очами подмигнуть девочке как можно романтичнее. В общем, в скором времени стал заложником сердечных дел, тем самым пе-

рестал досаждать Эвану. А в отсутствие девочки выглядит весьма жалостливо. Конечно, если когда-нибудь его чувства станут взаимны, то Сэм немедля возгордится пуще прежнего и будет наступать на пятки законному лидеру Совета Зонтов, а пока, толку от него как от зубной щетки при мытье горы нечищеной посуды.

– Дайка догадаюсь, спешешь на Совет разузнать последние новости? – поинтересовался Эван.

– И тебе привет. Куда ещё, как не туда, вот возникла парочка идей. – осклабился Сэм.

– Думаешь, они кому-нибудь придется по вкусу. – засомневался Эван и углубился в воспоминание. – Помню, как ты придумал опустить малыша Дизи по веревке вниз, дабы разузнать каков нынче уровень воды. Его глаза были точно такие же, как твои когда на тебя налетела Анжелика с требованием разъяснения твоего дурного поступка, спрашивала – почему ты такой, мягко говоря, кхе-кхе, “неумный”. Малыш Дизи теперь содрогается от любого поднятия, или когда его обнимают, ведь та веревка его чуть было не задушила. Надеюсь, теперь ты понимаешь, насколько это было глупо с твоей стороны замышлять такое.

– Поначалу было смешно, а потом не очень. – не в привычку согласился Сэм. – Первый блин всегда комом, ну и второй тоже не совсем прожарился... Должны же они когда-нибудь испечься! – негодуяще сказал Сэм.

– Кулинар стоящих идей из тебя как из меня любитель

стариков. – подытожил Эван.

– Вот и славно. – обозлился Сэм. – Наверняка опоздаешь, и все лавры внимания достанутся единолично мне. Анжелика будет слушать исключительно меня одного, а ты останешься с ни с чем. – сказал Сэм и зашагал дальше, завывая одними ноздрями какую-то рок-оперу.

– Смотри не опидайся там, когда будешь заикаться перед ней. – кинул Эван вслед уходившему мальчику, и тот явно всё расслышал.

“Куда он денется с подводной лодки. Жаль он прав, к началу заседания мне не успеть, что ж, придется поспешить”. – И с этой ободряющей мыслью Эван побежал, перемахивая с одного мостка на другой, радостно, столь небрежно.

На мостках образовывались лужи, потому что крыши временами протекали, значит, можно было с удовольствием плюхнуться в одну из них, так, чтобы брызги разлетелись во все стороны. Было весело, если не считать последствие в виде промокших ног. Что Эван и благополучно бездумно совершил. С разбегу двумя ногами всем своим весом опустился на ничего не подозревающую лужу, которая будто отреагировала в ответ, сделав ему подножку, отчего мальчик немедля поскользнулся и влетел в ограждение между мостом и пропастью в океан, глубина коего неизмерима за столь долгое время излияния непрерывного дождя. Хорошо, что доски ограждения крепкие, толстые, будто специально подобраны для таких озорников как он, а то бы купаться ему

всю оставшуюся жизнь за бортом. Да и мало кто осмелится полезть спасать его, смельчаки в городе давным-давно перевелись, бросят веревку, и всё тут. Эван обернулся на обидчивую лужу. “Будто плавленное масло”. – подумал он. А растрепанное пятно, будто злорадно хихикнуло. Что ж, он сам в том виноват. Далее не посмел даже задевать эти обманчивые мокрышки, обходя их стороной, подобно джентльмен не задевает юных дам, дабы не быть скомпрометированным, дабы быть уважительно благочестивым.

Дом мистера Чарка стоял на окраине Персифаля в окружении нескольких заброшенных ферм. Поговаривают, будто там он выращивает каких-то странных на вид животных, хотя этому мало кто верит, ведь даже крысы сбежали с тонущего корабля, поэтому кроме людей здесь никто не живет. Однако весной, как положено, прилетают птицы, но если они и задерживаются здесь, то ненадолго. Пернатые гонцы являют собой некий знак – может быть, где-то там еще есть жизнь, и дождь видимо льет лишь на их несчастный город. Но Эван не унывал, видя, как косяк журавлей улетает прочь. Он родился в таких условиях, другого мира, он попросту никогда не видел.

Вскоре Эван добрался по мосткам до второго задания. Мальчик постучал в дверь дома. И в ответ услышал хриплый голос.

– Кого там еще принесло?

– Мистер Чарк, открывайте, не бубните. – возразил маль-

чик.

Дверь бесшумно отворилась. Из дверного проема высу- нулся заостренный на конце орлиный нос, словно пылесос вытягивающий воздух, огромные ноздри коего пугали, гля- дишь, и засосет целиком. Глаза старика слегка прищурен- ные возрились на Эвана. На голове мистера Чарка красует- ся шляпа от дождя старого пошива, длинные седые волосы обрамляют контуры высохшего лица. Ужас внешним видом своим он никому не вселяет, ведь мистер Чарк вполне доб- рый на вид старичок, вот только понимания людей ему явно не хватает, оттого так глупо злится на всех подряд.

– Сколько нужно пинков одному назойливому клоуну? – грозно спросил старик.

– Почему мне сегодня задают вопросы, на которые я с тру- дом могу ответить? – с возмущением спросил сам у себя Эван.

– Так сколько? – еще раз грозно цокнул мистер Чарк.

Мальчик принял детективный вид.

– Давайте по порядку. Вам нужен клоун. Разве здесь есть клоун? Я лично нет. А, кажется, догадался. Может быть, вы раньше были циркачом?

– Снова ты гримасничаешь, только и делаешь, что растя- гиваешь рот от уха до уха. Смотри, вот растянется, и будешь потом губами пол подметать.

– Понятно. А пинки для чего? – улыбнулся Эван очеред- ным оскорбительным шуткам старика.

– Чтобы прогнать надоедливую мальчишку с его вечными выкрутасами. – зашипел мистер Чарк.

– Как то всё слишком просто. – разочарованно заявил Эван. – Соглашусь со всем, но только после того обещайте мне что распишетесь вот в этой бумаге. Договорились?

У старика от такой завидной новости округлились глазенки, он начал потирать ручонки похожие на изюм, цвета инжира, затем приоткрыл дверь, и словно заслуженный дворецкий произнес свою типичную короткую фразу.

– Входи.

Предложение заманчивым не выглядело.

– Знаете ли. – начал отнекиваться Эван. – У меня есть некоторые дела. Время ценный незримый предмет, знаете ли. . . . Давайте я лучше повернусь к вам задом, вы хорошенько размахнетесь и прибавите мне скорости, ведь я так опаздываю.

Мистер Чарк не отступился, вперяясь приказным взором в гостя, мужественно стоял на своем, пробубнив:

– Сержусь я только на словах. И вообще детей бить не хорошо, так поступают только дураки. Не задерживайся, сыро здесь как в аквариуме.

Эвану ничего не оставалось, как вздохнуть, так что кажется, сам дом затрясся. Ничего не придумав лучше, мальчик вошел в одинокое убежище любителя животных, но точно не поклонника людей.

Мебель внутри помещения оказалась старинной, миссис

Магнолия должно быть в тайне завидует сему многовековому декору, но здесь просторно, видно, что большинство вещей лежат без дела под мягким покровом пыли. Впрочем, и одежда старика не отличалась новизной, мальчик словно вернулся в прошлое, туда, где ещё не изобрели паровой двигатель, шариковую ручку и зубную щетку, или они и тогда были, в общем, не столь важно, главное, что картина его очам представилась запустелая и скучная. Сама личность и жизнь мистера Чарка никому не известны, все постоянно то и дело судачат о его сугубо холостяцкой жизни, делая поспешный вывод, будто поэтому в жизни его не было ничего действительно важного, его жалеют, и осуждают одновременно. И как тут не озлобиться на весь мир, когда на тебя смотрят как на пустое место. Но атмосфера в его доме, вопреки всем злопыхательским прогнозам, какая-то домашняя, немного уютная, словно он кого-то ждет, но та гостья уже никогда не посетит его жизнь.

– Ну, Эван, начнем с самого простого... – сказал мистер Чарк.

– Погодите. Вы знаете моё имя? И что, поручение не одно? – мальчик был тронут до глубины души и в то же время несколько встревожен.

– Конечно, знаю, твои шалости известны всему городу, а о рождении твоём и говорить нечего. Это был единственный день, когда обо мне почти не говорили. А только о тебе всюду сплетничали. – старик в полголоса усмехнулся, но мгновенно

но принял серьезный тон. – Я вот подумывал заставить тебя вычистить весь мой дом, только боюсь это слишком трудно-емко, долго, ведь мне нужно будет спать, а под звуки движущейся швабры, это невозможно. Да и толку мало, мой старый домишка в скором времени вновь порастет плесенью и мхом. – старик кажется кисло подмигнул или Эвану почудилось. – Есть ещё одно дельце, как раз по тебе. Пойдем.

Эван безропотно подчинился, разве можно возражать тому, кто угрожает тебе чисткой унитаза или чем похуже.

Они прошли в соседнюю комнату больше похожую на конюшню со стойлами. Вот только лошадей здесь не наблюдалось. Настила из соломы и сена также не было, вместо него на полу расположилась куча песка утрамбованная чем-то тяжелым.

– Песок. – пояснил сам себе мальчик. – Что-то я не уразумею смысл сего. – где-то он вычитал эту умудренную фразу.

– Всё предельно просто. Тебе нужно сесть на песок и ... – уверенно произнес мистер Чарк.

– И что? – недоуменно возразил Эван, в его душе замелькали не очень приятные фантазии и догадки, к примеру, кошки...

– И греть. – со всей простодушной лаконичностью твердо выговорил старик.

– Понятно, что ничего непонятно. Это ещё более странней чем поиск белых тыков. – заключил мальчик почесывая затылок.

– Эх. – выдохнул мистер Чарк, словно аквалангист. – Придется пояснить твоему маленькому умишку, в чём тут дело. Пожалуй, расскажу.

– Уж пожалуйста. – настаивал Эван.

Мистер Чарк прокашлялся, чуть было, не поперхнувшись собственной слюной. Всё же вскоре он собрался с мыслями и начал поначалу скучнейший монолог, но затем перешёл к более интересным вещам.

– Так вот, слушай. Значит, беру я сеть на веревке, дабы как полагается порыбачить. Приготовившись, побрел к ограждению, перекинул сеть через ограждение. Сижу, жду. Улов всегда скуден, а если начнешь нечаянно храпеть в обе ноздри, то рыбы там внизу, либо объедятся приманкой и сами сплывут кверху брюхом, как бы дразня меня, либо вовсе откажутся от бесплатного сыра в мышеловке, деликатно так булькнут – нам и комариков под мошкинским соусом весьма предостаточно. Поэтому лучше удить, пока они голодны, либо когда поблизости нет насекомых. Понял?

Эван кивнул.

– Конечно, можно удить и на удочку, но только представь, какая нужна леска, а если оборвется, где я найду вторую, да и поплавок не виден. Толстый корабельный канат куда лучше, опасаться за утрату сего рыболовного снаряжения не представляется существенным. Запомни это, может тебе ещё пригодится. – временами старик наставлял подрастающее поколение в лице одного Эвана. – Сижу, значит, иногда

поплеываю. Наверное, и ты делал точно также, или нет, всё же занятно, не правда ли, смотреть, как капля слюны падает с высоты. Что точно нет? Ладно. Зачем я вообще всё это рассказываю?

– Переходите ближе к делу. К песку. – словесно подтолкнул его мальчик.

– А я о чем толкую. – сердито рявкнул мистер Чарк. – Я словно на суде, помню, как меня однажды арестовали за разговоры и клевету, но что поделаешь, если это была не ложь, а чистая правда. Вот были времена. Сейчас твори что угодно, никому до этого нет никакого дела... Песок, да, вспомнил, я его храню для засыпки трещин в кровле дома. Эх, не помогает. Запомни это, может быть, тебе пригодится.

Эван изобразил мощный зевок в якобы глубочайшем сонном состоянии. А мистер Чарк тем временем продолжал:

– Примерно через час, значит, решаю вынуть рыболовную сеть. Дернул, как полагается, и оторопело осознал – тяжесть там внизу непомерная. Сразу, значит, обрадовался, возомнивши себя настоящим рыбаком, представил, как будет процветать мой удильный бизнес на старость то лет. Но меня постигло разочарование и потрясло удивление. Поднять в одиночку такую массу я попросту не мог, потому позвал соседа Дика. Настоящее его имя Диккенс, его так обозвали в честь знаменитого писателя. – тут он противно хихикнул. – Итак, собравшись с силами, поднатужились и...

– И? – спросил Эван теперь уже с любопытством, его бы-

люю сонливость как рукой сняло.

– Че-ре-па-ха. – по слогам выговорил старик. – Самое настоящее земноводное создание попало в мою сеть. Но не сухопутная, а морская черепаха. Твердый панцирь, ласты, кусачая мордочка, хвост, все признаки при ней. Мы так с Диком надорвались, поднимая её, что не передать словами. В особенности я. Он-то всегда, словно Цезарь одной рукой тянет, другой чешет спину, одной ногой отбивает ритм понравившейся мелодии, а другой подталкивает меня – будто я ленюсь, якобы именно по моей вине мы не смогли опустить морское животное обратно. Поэтому пришлось отнести черепаху в дом, она явно была в шоке после такой поездки на лифте, и не особо протестовала, хорошо, что я в тот день не ловил на удочку, а то сам понимаешь, не особо хочется слыть ненавистником зверей. Напротив, я их очень даже уважаю. За то, что они меня не трогают. По крайней мере, до недавних событий. Так о чём это я?

– Что дальше? – спросил мальчик.

– Дальше, мы оставили черепаху в конюшне рядом с песком. За те несколько часов проведенных в её компании я будто сроднился с этой животинкой, она так смешно пучила глазки, и копалась в песке, что я даже вообразил её своей собаченькой, даже назвал Чарльзом, ну, чтобы теперь именитый писатель жил в нашем городке достойно полноценно. Периодически spryskival животное водой. Затем я решил, наконец, отдохнуть, а после отдыха вернуть черепаху в при-

вычную водную среду обитания. Немного вздремнул. Однако проснулся из-за странного шороха, доносившегося из соседней комнаты. Вскочил с постели, первым делом заглянул в сени, и что я там увидел?

– Что? – с нескрываемым энтузиазмом спросил мальчик.

– А вот что. Вижу, значит, как моя подопечная развалилась на песке, и закапывает что-то белое задними лапами, хотя думаю всеми четырьмя лапами. Конечно, я видел, как собаки закапывают хлеб или косточки, чтобы потом о них благополучно забыть, но здесь-то не пес, а черепаха. Пригляделся хорошенько, и тут меня осенило, в песок закапывались черепашины яйца. Это заинтриговало меня до глубины души, мало того, что никакой это не Чарльз, и даже не Диккенс, а самая настоящая мать-героиня, судя по большой кладке, где будущее потомство уютно уложено в моем песке. Была у меня одна черепаха, теперь ещё целая куча появится – подумалось мне и что-то меня это происшествие не особо обрадовало. Потому-то мы вскорости вернули черепаху в море, обратно тем же лифтом из сетки. Неужели под нами образовалось целое море, там, где некогда была суша? Лучше и не думать о том. – рассказал мистер Чарк и заметив на лице Эвана печальные нотки, добавил. – Не переживай так за её материнские чувства, это вполне обычное дело, я не раз читал о том, как маленькие черепашки самостоятельно вылупляются и сами добираются до воды, без родительской помощи. И что теперь мне прикажешь делать, им нужно тепло,

они должны созреть под солнцем, но у нас его мало, если не сказать, вообще нет.

– Намеряете на то, что это я должен их греть. Я что, похож на курицу-наседку? – вознегодовал Эван.

– Ты пришёл помогать, так решай задачку самолично. – приказал мистер Чарк.

– Интересная вышла история. – подтвердил мальчик. – Всё-таки у вас есть сострадание, любой другой сделал бы из них яичницу или черепаховый суп.

– Я не живодер. – твердо сказал старик. – И как я, по-твоему, буду смотреть в глаза той черепахи, если вновь поймаю её. Лучше не рисковать.

Эван задумался, ведь задачу предстояло решать не простую. Само собой сидеть на чужих яйцах ему не хотелось, ни за что на свете, хотя одновременно и черепашат жалко. Видимо, сыщик здесь бессилён, нужен ученый, способный трезво и быстро придумать выход из сложившейся ситуации. Да и бедняга мистер Чарк не переживет ту трагедию, если в один прекрасный день из его песочницы не вылезут маленькие игрушечные на вид зверушки, он и так одинок, а тут вдобавок, это недоразумение. Вы сразу намекнете на возможное использование обогревателя в таком случае, но индивидуальное электричество в Персифале большая редкость и вряд ли когда будет в свободном доступе. Костер вообще разводить опасно, может сгореть весь дом, да и не счесть, сколько дров понадобится для него. Всё казалось безнадежным,

однако в душе Эвана мелькнула одна идея, и он огласил её вполне серьезно.

– Я слышал, что во всех домах есть генераторы электричества, поэтому иногда в великие праздники мы слушаем пластинки или зажигаем гирлянды на Рождество. У вас мистер Чарк точно должен быть один из таких агрегатов. Мы подсобим к нему лампу, направим её на песок. И вуаля, готово, черепахам светло и тепло.

– Однажды я подумывал о нём, но тяжело для моих рук крутить его, заводить как часы, постоянно заливать в бак топливо. Это весьма непростая машина. Я не могу, видишь ли, руки уже не те что раньше. – сказал плачевно старик показывая свои костлявые ладони.

– Ну, раз я вызвался вам помогать, то и крутить буду тоже я. Давайте. Показывайте тот вестник из прошлого. – воскликнул мальчик.

Старик удивился предприимчивости Эвана, хотя если быть предельно честным, ему эта затея с генератором не особо понравилась. Одно дело поручить помощнику махать шваброй, а совсем другое крутить тугой механизм. Но иного выхода не было.

Мистер Чарк куда-то ушел. Вскоре вернулся, привезя с собой некую тележку с нагруженным на неё генератором электричества малой мощности, и большую лампу, наверное, такой больше нигде не существует. Затем показал крючковатым пальцем на ручку, кротко намекая – выбрал, так

крути.

И Эван послушно начал воспроизводить нехитрые круговые движения, отчего лампочка блекло начала искрить, но затем разгорелась ярче, светоносней. Механизм явно заржавел, изо всех сил сопротивлялся, но под давлением сдавался. Песок разом осветился и нагрелся.

Через некоторое время прибежал старик Дик, спросить, почему конюшня горит.

Еще через некоторое время Эван сменил руку, однако левая рука устала куда быстрее правой руки, и он отпустил рычаг-колесо, решив передохнуть. Однако лампа не погасла, генератор сохранял заряд электроэнергии.

– Думаю на сегодня достаточно. – непривычно добродушно проговорил мистер Чарк.

– На сегодня? – переспросил мальчик в недоумении, хотя это было весьма предсказуемо. – Ах, да, черепашки, разве можно их вот так оставить. Не знаете случайно – когда они появятся на свет? Этот вопрос меня с недавнего времени очень занимает. Прямо таки наглядно мучает. – спросил Эван.

– И меня. – иронично ответил старик. – Нет, не помню, и приблизительно не скажу. Подождем. Увидим.

– Как вас только угораздило поймать черепаху, я понимаю акулу, но это. – тихо роптал мальчик, чтобы немного выплеснуть усталость.

– Значит так было кому-то нужно. – уже без хитростей вы-

палил старик. – Может быть там, вне города, вовсе не осталось песчаных берегов, вот мне и суждено было помочь черепахам.

– А сколько времени?

– Скоро обед.

– Извините. Выпалил мальчик. – Мне нужно бежать, срочно, очень-очень срочно. Вот бумага, распишитесь, пожалуйста.

– Сегодня, ладно, начеркаю. Но завтра. Посмотрим. – зловеще заключил мистер Чарк.

И вправду он не особенно аккуратным почерком написал свою фамилию, малопонятную на вид. Эван выхватил бумагу при последнем стрижке прямо из его рук, затем с радостным воодушевлением выбежал на улицу, забыв о словах прощания.

Старик мрачно глядел ему вслед, должно быть, вспоминая, как он сам, вот так, когда-то улыбался, куда-то постоянно спешил и не думал о смерти, но ощущал себя всецело бессмертным.

Глава вторая: Моторная лодка + Дизи = незабываемое путешествие на тот свет. Рассекречивание сокровищ миссис М. Воздушный путь прямым в небеса. И другие гениальные идеи Совета Зонтов

Сосредоточение мыслительной деятельности по решению проблемы чрезмерной дождливости и отчужденности Персифаля от внешнего мира, те наиважнейшие думы роились в одном незаурядном месте. Если быть географически точным – на мельнице, которая уже давным-давно бездействует. С виду она напоминает башню и с её верхнего этажа открывается чудеснейший вид на весь город. Сей полезное местечко выбрано детьми неслучайно, подобрано для столь героической компании по спасению всего может быть оставшегося человечества. Эксплуатация сего здания велась в полной секретности. Безусловно, взрослые знали, где собираются их дети, где играют в тайные собрания. Однако не препятствовали им и даже поощряли булочными изделиями, дабы дети не сидели там голодными. Это место отыскал Эван, в

жизни которого когда-то был период игры в путешественника, впрочем, та увлеченность и сейчас успешно продолжается. Но так как город ограничен городом, как бы это смешно, ни звучало, выбор местности не представился, поэтому изучались все окрестные здания, особенно нежилые, где по поверьям водятся привидения, живут старые ведьмы, бегают крысы размером с кошку, и кого там только не водится, в общем, очень даже любопытно всё это. Однажды наткнувшись на мельницу, Эван сразу прикинул и сообразил, воображением дополняя неказистую картинку обветшалого строения. Ему отчетливо увиделась исключительная полезность здания. Удивительно здорово всё вышло, ведь теперь у них появилось место для встреч, но прежде чем окончательно определиться с выбором, ему предстояло шататься по улицам, пиная консервные банки, рыская в поисках более чего-нибудь интересного. Однако первый выбор оказался самым верным. Всем из Совета Зонтов понравилось предложение Эвана обосноваться на мельнице, даже Анжелика не стала спорить с ним, что было крайне необычно для неё. Внутри первый этаж мельницы был некогда завален мусором, мешками с неизвестно чем, который быстро расчистили. Теперь наверх мельницы ведёт отремонтированная лестница спиралькой или ракушкой, прямиком на второй этаж, который решили оборудовать под главное помещение Совета Зонтов. Зайдя сюда, вы не увидите здесь мебель, это сугубо детская комната, а значит, только необходимое имеет

здесь место. И не подумайте, игрушек здесь нет, даже малышу Дизи однажды пригрозили неминуемой расправой над его плюшевым желтым покемоном, чтобы он больше не носил сюда полные карманы кубиков, отчего мальчик сильно надулся, но он не мыльный пузырь, потому не лопнул, а смирился с временной потерей прикрас детства. Здесь на полу расположены самодельные подушки стульчики, не высокие, но и не низкие, удобные и потому все дети сидят как бы на одном уровне, не ущемляя ничьи возрастные права. Также свечи лежат на подоконнике, припрятанные втайне от родителей, ведь, как известно спички детям не игрушки, но глупо думать, что об этом никто из взрослых не знает, ведь из окна четко виднеется мерцающий огонек в вечернее время. Что ж, они уже немаленькие, да и город загореться просто не может, для этого нужно сильно постараться, ведь сам воздух сыроват и влажен. На мельнице полным-полно муки, вот только вертела не работают, некоторые лопасти на половину сломаны. В общем, тут вполне уютно, это даже лучше чем шалаш, который позеленев плесенью, развалится на следующий день.

И именно на той самой мельнице уже началось совещание Совета Зонтов. Эван как ранее им предполагалось, опоздал, ибо в пути ему приходилось обходить, или перепрыгивать встречные лужи, уж больно они сегодня были драчливы и совсем лишены чувства юмора. Таким образом, не впутываясь ни в какие неприятности, мальчик благополучно до-

брался до мельницы, с шумом в знак своего прибытия отворил дверь, знаменуя тем самым приход старейшины, но так, честно признаться, было только в его тщеславном воображении. Когда он поднялся наверх, никто из детей даже не шелохнулся. Однако эту отстраненность легко было поправить, нужно было высказать несколько веских слов в свою защиту, всё же, Эван ощущал себя несколько неловко, ведь он опоздал, не в первый раз и даже по уважительной причине, но это было нехорошо. Впрочем, ничего занимательного он точно не пропустил, так как по обыкновению практичные важные всевозможные идеи принадлежали только его уму. Вообще, и об этом многие забывают, всякая иерархия в группе детей исключена, каждый в своей мере пытается внести свою лепту в общее дело спасения.

Отныне Совет Зонтов стался в полном сборе. Теперь подошёл черед описать и представить в скромных чертах присутствующих здесь детей. Эван вам уже хорошо знаком. Сэм также уже встречался на пути Эвана, сейчас он сидит возле Анжелики, грубо пялится на неё, отчего чувствуется, что сегодня, тот будет похож на пудинг, на нечто склизкое, рыхлое и размягченное. Диззи – мальчик низенького роста, возраст его идентичен всем остальным, только рост его лениво запаздывает. Хотя, можно с уверенностью предположить, что в юности он их всех обязательно перегонит, это наверняка, вот только сейчас к нему относятся как к малышу, что неправильно, и может быть, поэтому, он не желает изменять

чужое видение, нося в своих карманах футбольные потрепанные карточки и игрушечный транспорт всех марок. Много чего боится и всегда попадает в какие-нибудь неприятные ситуации, вроде той с лодкой. Как будто у всех руки чешутся подшутить над ним, и к счастью тех обидчиков, Дизи легко всё прощает, он вовсе лишен злопамятности. Следующий Мокрый Джеф, в отличие от Дизи, высок ростом, но не представляйте его эдаким тупым здоровяком, он очень даже начитанный мальчик, кстати, другим стоило бы брать с него пример. Мокрый Джеф носит очки и шариковую ручку в левом кармане рубашки. Откуда он научился писать и читать, неизвестно, если кому-то нужна какая-либо энциклопедическая информация, то всегда обращаются непосредственно к нему. Своё прозвище он получил из-за падения в воду, ведь раньше в некоторых местах вовсе не было никаких заграждений, да и не боялся он никогда утонуть, поэтому часто рисковал, и впоследствии дурнота его вылилась в падение. Его успели чудом спасти, ещё бы несколько минут и его бы унесло течением. Отныне, как и следовало ожидать, с тех пор он страшится воды и стремится любым способом покинуть водный Персифаль. И последняя на сегодня кандидатка на пост греческого мыслителя, очень сильная личность, девочка по имени Анжелика. И этим многое сказано. Почему она дружит с мальчиками? Ответ на этот логичный вопрос кроется в её желании приключений, играть в куклы ей изрядно надоело. В городе, конечно, есть и другие девоч-

ки, но с ними играть жуть как неинтересно, они живут и, ни о чем не заботятся. Но Анжелику просто мучает желание выбраться отсюда, увидеть другие земли, такие сухие и теплые. Она часто придирчива, временами жестока, но бывает, весьма нежна, что никак не относится к мнимым ухаживаниям Сэма, на него девочка никак не реагирует.

Эвану пришлось пристукнуть кулаком по древесине, как бы случайно, чтобы все присутствующие огляделись и посмотрели в его утомленную работой сторону.

– Ты что шутишь? – буркнула Анжелика, недовольно сотрясая воздух рукой.

– Здесь настолько тихо, можно подумать, что здесь замышляется нечто злобное, причем супротив меня. Вот приведу сюда миссис Магнолию, она вас сразу оживит. – ответил и погрозил Эван.

– Ничего подобного. – даже не заметила его выпад Анжелика. – Мы только недавно выслушали все идеи Совета. Теперь как видишь, обдумываем положение наших будущих дел. Садись лучше и не мешай нам, ненавижу, когда скребут по дереву. – фыркнула она.

– По всему виду, особенно по встревоженному виду Диззи, могу смело заявить, чьи прозвучали идеи, и каковы они были. – состряпал скоротечный юмор Эван.

– Мы уже столько всего перепробовали, что нечего тут ерничать. Сам посуди, Эван, наше положение катастрофично. – словно произнесла за всех девочка.

– Согласен. Но запомните, мы не попусту тратим время. Даже вот тот купидончик, сидящий возле тебя, уверен в своей правоте, неспроста он является на каждое наше собрание. – тут Эван выплеснул свои лидерские дарования. – Не будем отчаиваться, нам и так приходится каждый день лицезреть лица унылых родителей, вдобавок и вы поникли духом. Скажи, Джеф, что скажешь по поводу этого крохотного списка фантазий одного хоббита?

Эван взял безнадежную ситуацию под свой личный контроль.

– Сам посмотри. – выпалил тот в ответ. – Полная чушь. – сказал Джеф сгорбившись, положив свою увесистую голову на немалую ладонь.

– Охотно ознакомлюсь. – ответил он и взял листок бумаги с предполагаемым планом действий, лишь мельком проведя глазами по строчкам.

Моторная лодка + Диззи = ...

– Понятно откуда злобный ветер дует.... Моторная лодка плюс Диззи равняется незабываемому путешествию на тот свет. И совсем не смешно. – заключил Эван. – Малыш Диззи, безусловно, согласится. Но вы-то куда смотрите? Лодка наполнится дождевой водой и потонет за считанные минуты!

Сэм, взглядом оторвавшись от объекта своего обожания, очень цинично воззрился на Эвана, как бы одними глазами

ответив на вердикт оппонента.

– Не нравится, не ешь. – лаконично сказал Сэм.

– Об остальном и говорить не стоит, всё в подобном роде, прямо одни сплошные экзекуции для малыша Дизи расписаны. Хорошо, что Джеф изобразил сей идеи в картинках, а то бы я ничего не понял. – говорил Эван. – Знаю-знаю, я сегодня опоздал. Но по-видимому ничего интересного не пропустил. – тут оратор волнуяще вздернул бровью. – Слушайте, у меня появились ценные данные на счет предстоящего праздника. У засекреченной личности М.М. столько сладостей, что хватит их как минимум на три полных подарка.

– Что ещё за М.М.? – все сразу уцепились за последнее известие, по причине сладостности темы, но вопрос задал Сэм, на секунду оторвавшись от своих ванильных грёз.

– Когда придёт время, я всё вам расскажу, всё покажу, в общем, ждать осталось недолго. В этот раз мы точно не будем делить две с половиной конфеты на пятерых. Того ужасного надругательства над детскими мечтами более не будет! Мы будем просто купаться в цветных обертках! – твердо пообещал Эван.

– А что насчет плана по спасению Персифаля? – просто, без особого энтузиазма в голосе поинтересовалась Анжелика.

– Есть одна замечательная идея, она, конечно, не проработана до конца, но отполирована до блеска. И с точностью до атома могу заверить, что она намного лучше, чем лодка

кверху брюхом и ее гондольер в таком же незавидном положении. – Эван повысил голос. – Итак, чтобы было нагляднее, Дизи, пожалуйста, достань из своих карманов игрушки.

– Какие игрушки, я слишком большой чтобы играть в игрушки. – наигранно удивленно произнес Дизи.

– Все, без исключений. – тут Эвана осенило. – А, я кажется, понял, ты сейчас хотел утаить от всех свою безобидную игровую склонность. Но не переживай так по этому незначительному поводу, здесь все свои. Вон Сэм неделю как собирает дом для барби, и ничего, не стесняется.

Сэм неловко покраснел, но не ответил, ведь его агрессия стала бы поводом для лишних предубеждений и насмешек.

А Дизи аккуратно с точностью заправского ювелира вывалял из карманов игрушечные самолетики, вертолеты и другие летательные машины. У них обломаны крылья или согнуты пропеллеры, впрочем, назло конструкторам, они всегда спокойно летают в руках мальчика, издавая всегда разные звуки горлового мотора.

– Вот. То самое. – сказал Эван.

– Что вот? Ничего не понимаю. – насупившись заявил Сэм.

– Эван просто хотел показать нам, что самый верный путь выбраться отсюда, это полёт. Преодоление воздушного пространства нас всех спасет. – такими словами Мокрый Джеф перевел для остальных идею Эвана.

Анжелика слегка нахмурилась, так всегда случалось, ко-

гда девочка не соглашалась с чужим мнением.

– Это нам не поможет. Построить самолет нам не по силам, аэроплан также не смастерить. Не забывай, мы всего лишь дети. – произнесла она.

– Ты сейчас сказала прямо как моя мама. – остановил её недоверие Эван. – Идея состоит не в самом полете, а в парении. Представьте воздушный шар с корзиной, его легче всего смастерить помимо других летательных аппаратов. Помимо воздушного шара, у меня еще возникла мысль о мельнице, которая определенно послужит нам в нашей спасательной цели.

– Твоя цель имеет схожий убийственный финал со всеми моими идеями. – сказал Сэм бросив уничтожающий взгляд на Дизи. – Я считаю это невозможным.

– Напротив, внешне вполне осуществимо. – мудро рассудил Джеф. – Теперь голос за тобой, Анжелика. Дизи, как правило, выбирает сторону большинства, а вот ты должна дать всем нам скорый ответ.

Девочка ради приличия закатила глазки, задумалась, но затем произнесла:

– Согласна. Но при одном условии.

– Каком? – высказал вопрос Эван за всех остальных.

– Я полечу вместе с тобой. – нисколько не смущаясь заявила Анжелика.

Эван чуть не поперхнулся вдыхаемым воздухом. “Дама на корабле как рассказывал Джеф, к беде, но мы, же не пираты,

может суеверия на нас не действуют” – подумал он.

– Ладно. И пусть мой глубокий вздох будет означать, насколько мне не нравится вся эта затея. – ответил Эван и преувеличенно вздохнул.

Впервые Совет Зонтов пришел к обоюдному консенсусу. Произошли явственные подвижки, нереальные перемены в их взаимоотношениях, они разом сплотились движимые одним легковесным замыслом. Отныне были готовы преодолеть любые трудности, готовы были немедленно пойти сооружать невозможные конструкции, безвозмездно помогать каждому нуждающемуся. Даже Сэм действовал театрально, поначалу желал произвести впечатление на девочку, показывая себя эдаким плохим парнем, который протестует супротив любой системы ценностей, но затем как бы смягчился от невольного укорительного взора Анжелики, и стал обычным слюнопускателем.

Девочка определенно повела себя странновато, ведь вызваться быть пассажиром саморучно сляпанного воздушного шара, лететь неизвестно куда с немалой возможностью погибнуть, это, скажу я вам, легкомысленно мужественно. Да, смелости ей не занимать, хватит на всех и ещё останется для потомков. А Эван как автор сей идеи, в этой ситуации обязан быть штурманом, если хотите капитаном, лишь бы оправдать общественные ожидания.

– Вы случаем не заметили, что решая все эти проблемы, мы становимся похожими на взрослых. – задумчиво произ-

нес Мокрый Джеф.

– И вправду мы совсем забыли о развлечениях. Но что поделаться, если в Персифале их попросту нет. – тихо возгласил Сэм.

– По крайней мере мы не разучились улыбаться. – ответствовала Анжелика.

– Особенно вон тот любитель томно повздыхать. – выкрикнул Эван.

– Что ты к нему пристал, Эван. – оборонительно отрезала девочка.

– Да отвали ты от меня! – сорвался Сэм.

– Значит, не прошло и десяти минут с момента отплытия, а уже бунт затеян на корабле. И что вы будете без меня делать? – сказал добродушно Эван.

Дети промолчали, он оказался прав.

– Джеф, ты всегда мудр. Взрослость, словно болезнь, разобщает нас. Я уже начинаю кашлять нытьем и чихать пререканиями. – сказал Эван.

– Ревность, дело обычное, тут нечего стыдиться. – улыбаясь произнес Мокрый Джеф.

– Это ты, по какому поводу? – в меру не осознал Эван.

– Так, просто умная мысль. – ответил Мокрый Джеф.

Эван производя расстрел глазами, взглянул на Джефа пристально, как бы пытаясь прозреть его потаённые мысли. Однако затем рассмеялся что есть мочи, и все ребята последовали его дерзкому примеру. Вся былая серьезность испа-

рилась восвояси.

– Давайте лучше поговорим о костюмах, кто какие сошьет, наденет на Праздник Солнца, не будем же мы нарушать традицию наряжаться в этот день как люди прошлых веков. Кстати, если я ещё раз увижу Дизи в образе картонной черепахи, то зовите сразу лекаря, а то боль в желудке от смеха будет невыносимо жуткой, прямо распирающей.

– А ты свой тогда вспомни, сразу полегчает. – возразила Анжелика.

Эван вмиг пожалел, что начал столь деликатную тему. Посему отвлёк присутствующих пространными словами, когда подошёл к округлому окошку.

– Представьте, десятки воздушных шаров взмываются вверх, устремляясь вдаль, далеко-далеко отсюда, туда, где светит яркое солнце, где безмятежно лоснится синие лазурное небо. Там под ногами рассыпан ветром песок, чуть дальше земля, на ней выстроены домики, а в них живут люди, они улыбаются нам, они всегда радостны. Скоро мы все полетим навстречу новой жизни. Разве не замечательно, разве не чудесно представить это великолепии. Только бы воображение стало явью, а мечты реальностью.

Дети, охваченные грезами, все разом встали с пола, и подошли к окну. Перед их детскими очами парили мечтательные воздушные шары, и будто там за горизонтом им подмигнуло солнце, невзирая на всегдашнюю хмурость небес.

Глава третья: Радость или пакость?

Персифаль зажегся флюоресцентными огнями, тем самым праздничный день повсеместно напоминал о себе любимом. Взрослые вели скромные приготовления. А дети с нетерпением ожидали – когда же, когда! Всем домам придавали красочный вид, всюду висели развлекательные плакаты, их развешивали в зависимости от угрюмости жилища того или иного жилища. Всё творилось вручную, в том числе и украшения. Из цветной бумаги вырезали полоски, их склеивали в колечки, соединяли, и получались радужные цепочки. Настоящих фонариков напоминающих солнце, было мало, поэтому для окрашивания оставшегося картона использовали плотную краску, хотя когда желтый цвет закончился, вход пошли все цветовые спектры фантазии. Всюду зажигали свечи, факелы на мостах, словно в средневековом замке. Фантазии затягивали горожан в водовороты фантазмагорий и те добивались немалых результатов в праздничной деятельности, жаль, что многие детские идеи были ими нещадно отвергнуты, потому не воплощались в жизнь. Всего на несколько дней в году город будто замирал, будто забывал скорбь, дождь, несчастья, что однажды свалились с неба. В ту пору

Персифаль преобразался, многие вспоминали некогда позабытое умение улыбаться.

Совет Зонтов на некоторое время прекратил свою бурную деятельность, однако некоторые планы обсуждались детьми повсеместно. Ведь основа идеи спасения создана, осталось только самое сложное – построить воздушный шар. Со знаниями Мокрого Джефа виделось это предприятие вполне выполнимым, потому, что это была больше чем идея, это была самая настоящая мечта. Никто не спорил, наоборот весь Совет дружно принялся за сотворение чертежей и схем, увлекшись планом, дети пестовали в себе надежду, воображая её не как свет в конце туннеля, но как путеводную звезду. Со временем схемы чертились более обдуманно. Вот только была одна проблемка девичьего вида, понятное дело, что это сторона характера Анжелики лезть не в свою тарелку, как это часто делает консервированный горошек-попрыгун, но от понимания легче Эвану не становилось. Ведь она решила лететь вместе с Эваном на воздушном шаре, якобы вдвоем куда как веселей. Но разве там, в воздушном пространстве под колючим проливным ливнем весело? Нет, совсем безрадостно! А уж о трагедии Сэма и говорить излишне плачевно, во-первых, его возлюбленная улетает и неизвестно вернется ли, во-вторых, летит не с ним, и это вообще катастрофа вселенского масштаба. Как он ещё не скинул Эвана за ограждения поплавать и один раз нырнуть, ума не приложить. Таким размышлениям предавались многие, таким об-

разом, помышлял и сам Эван, смотря на напыщенного индюка с кличкой Сэм.

Картина складывалась, честно говоря, не самая живописная. Однако пока что вакансии на путешествие основательно однозначно не утверждены. Состав пристально обсуждается, порою шепотом, порою хмурым взором, но не замалчивается. Сама подготовка к путешествию с самого начала показалась долгой, изнурительной. Кто знает, выдержат ли они это напряжение мыслей до самого финала истории? Ведь столько всего им хочется увидеть, столько всего неизведанного познать, аж дух захватывает от одной промелькнувшей мыслишки по этому поводу. А мыслей и идей столько, что никакой энциклопедии не вместить.

Все костюмы для праздника, сколь здесь заведено, шились саморучно. И воображение швеи не знало предела. Безусловно, вы здесь не встретите вампиров, оборотней, мертвецов зомби, и другой бесовской нечисти, впрочем, и пугать здесь некого, все и так друг друга знают до последней родинки на затылке. Итак, главные атрибуты Праздника Солнца, да будет вам известно, это воспоминания о прошлом.

Более не будем томительно ожидать, а сразу перескочим в повествовании на тот самый праздничный день, соберем друзей вместе, и представим оных по мере популярности.

Дизи в этот раз соорудил (явно при неоценимой помощи родителей) костюм жука, потому мог спокойно сойти за поклонника музыкальной группы The Beatles. На вид вполне

миленько вышло. Торчащие зеленые лапки из панциря, на голове красуется шапка с двумя усиками, которые ему быстренько обломали, впрочем, и лапки растерялись по дороге, отчего сразу вновь стал похож на черепаху, только в этот раз без хвостика. Эвану наряд Дизи очень понравился, может быть, поэтому смеялся над ним в этот день более сдержанно, чем обычно. Да и мистер Чарк явно оценил прозорливость Дизи. “Неужели Эван всё разболтал” – подумал старик. Но мальчик незамедлительно заверил его в обратном.

Позади Дизи стоит Мокрый Джеф. Отчего Дизи рядом с ним выглядит клопом, но точно не жуком. В общем Джеф выглядит вполне стандартно для великана: крестьянская сельская одежда, взъерошенные волосы, дубина из пенопласта в правой руке, которая часто безболезненно обрушивается на Эвана в моменты его саркастичных смешков и поддевок. Картина в целостном ракурсе за счет высокого роста Джефа вполне устрашающая. Конечно, надень на Дизи подобный костюм, то тот сразу бы стал похож на гнома с невероятной огромной зубочисткой.

Сэм как всегда стал выпендриваться по полной программе: напялил на себя отцовский фрак, закатал слишком длинные рукава, расправил плечи, чуть не задушил себя бабочкой, в общем, в этот раз из него вышел своеобразный тайный агент, скомканная версия шпиона. Никто сразу не понял его идею. Хотя всё предельно ясно, Сэм вырядился подобным образом для Анжелики. Словно готов прямо сейчас пойти

с девочкой на консервативное романтическое свидание. Что ж, посмотрим, хватит ли у него духу пригласить её.

Анжелика в свою очередь почти с истерикой отказалась от вульгарных всяческих фей, принцесс, волшебниц, хотя платице родители на неё всё-таки напялили. Видимо только с ожесточенным кровопролитным боем им это удалось. И сей наряд можно с гордостью величать самым настоящим костюмом, ведь девочка очень редко одевается женственно. Особенно юбки ей несвойственны, поэтому окружающие столь поражены её нынешним внешним видом, отчего несколько замороженные сей неправдоподобной картиной обходят девочку стороной, шарахаются, словно от внеземного страшилища. Но не подумайте ничего лишнего, да, вы будете правы, заметив то, что Анжелика в обыденное время одевается практично, но это она делает лишь для привлечения внимания мальчиков, отчего она будет долго спорить и высказываться в защиту красавок перед туфельками. Всё же частенько, когда никого нет дома, она надевает мамину обувь и мамины платья, и ничуть не стесняясь того, кокетливо тайно вертится перед зеркалом.

Эван в свою очередь решил не повторяться, потому переделся в образ пирата, и сей костюм, оказался весьма свойственным его натуре. На вид всё очень просто, но вот именно один аксессуар придавал его костюму некую особенную важность. Это была шляпа, которую он попросил у мистера Чарка, вернее ковбойскую шляпу, но с загнутыми полями.

В общем, теперь мальчик был не только на делах непослушным, отныне сам внешний вид его являл ходячее недоразумение.

Отныне пестрая компания в сборе, осталось только им переговорить о дальнейших действиях, сулящих приятную радость или не менее приятную пакость.

– Предлагаю начать обход с главной цели. М.М, она же миссис Магнолия, хранительница вкусных неисчерпаемых богатств. – предложил Эван.

– Ты столь глупо самонадеянно уверен в своей идее. А что если мы получим лишь по конфетине и на этом всё. – протестовал Сэм.

– Это лучше чем ничего. Итак, помните девиз? – спросил у ребят Эван. – Забыли. Ладно. Тогда я буду просить, а вы только выглядите мило или угрожающе, в зависимости от радостного настроения взрослого, наша задача сделать так, чтобы они хотя бы раз улыбнулись, или их ждет нечто неприятное с нашей стороны. Нет, Дизи, так пучить глазки не надо, а то нас примут за цирковую труппу.

Все в знак согласия дружно закивали размалеванными головками, даже Дизи прищурил свои глазки, видимо изображая азиатского самурая. Однако многие знали, что играть по правилам весьма скучно, особенно Эвану, сейчас тот изображает из себя дисциплинированного лидера, но как только начнется заварушка, так сразу станет импровизировать прямо на ходу.

Вскоре, они почти бесшумно подошли к дому миссис Магнолии. Был ясный поздний вечер. Небо как всегда хмурится, дождь то усиливается до ливня, то дает таймаут, на время прекращается, моросит игольными песчинками влаги. Эван как ранее было сговорено, постучал в дверь. Остальные приготовились к вопрошанию.

– Детишки это вы? – выглянула старушка из-за двери и прокричала подобно колоколу, затем отворила дверь шире, дабы разглядеть пеструю кампанию.

– Радость или пакость? – спросил, улыбаясь Эван, затем и другие подхватили его заразительный пример.

– Что-что? – переспросила старушка, напрягая слух.

– РАДОСТЬ ИЛИ ПАКОСТЬ! – повторили дети хором.

– А, кажется, я расслышала, вы хотите меня угостить конфеткой, хотите меня порадовать, что ж, не откажусь. – пролепетала миссис Магнолия протягивая морщинистую руку.

Эван хлопнул себя полбу пластмассовым крюком в знак шока, показав тем самым, насколько он недоволен, потрясен несообразительностью старушки. Неужели они так нарядились, чтобы кормить миссис Магнолию конфетами, у которой и у самой их полным полно.

– Миссис Магнолия, сначала вы должны одарить нас улыбкой. Так принято. – пояснила Анжелика.

– Вспомните фонарики, гирлянды, Праздник Солнца. – осведомил старушку Эван.

– Что, уже наступило то заветное число. Неужели я не ото-

рвала листок в календаре, как я могла не заметить. – оправдывалась старушка.

Старческая забывчивость – это когда пожилые люди забывают о том, что они стары, отчего они могут ненароком забыть всё что угодно.

– Неужели мы одеваемся так каждый день? Эван может быть и одевается втихаря, но я точно нет. – прыснул Сэм.

Эван тем временем приступил к детективному методу.

– Итак, вы любите детективы, значит, проанализируем ситуацию: день сегодня тот самый, посмотрите на украшенную панораму улиц, вы даже фонарики зажгли, вон их огоньки светят на подоконнике.

– И вправду всё именно так. Тогда детки оттопыривайте карманы, я скоро вернусь. – сказала прозревшая улыбающаяся миссис Магнолия уходя.

– Ещё бы немного, и я бы сделал ей самую пакостную пакость из всех возможных пакостей. – как всегда правдиво рассудил Мокрый Джеф.

– И у меня поначалу зрели подобные любопытные мыслишки. Но характер у старушки такой непонятливый, ничего с этим не поделаешь. – заявил утвердительно Эван.

Вскоре, несколько прихрамывая, старушка вернулась к детям с горстью всевозможных сладостей.

– Ты, самый маленький, подойти поближе, не стесняйся. – позвала Дизи старушка. – Вот, угощайся. Только зубки береги, а то будешь, как я на ночь вынимать изо рта вставную

челюсть и класть её в стаканчик.

Дизи судорожно сглотнул, его воображение сразу обрисовало ту страшную картину, как он в столь юном возрасте улыбаётся одними деснами словно гусеница.

Миссис Магнолия оказалась щедрой на всевозможные лакомства, даже особо упрашивать её не надо было. Впоследствии визита все дети оказались довольными, вот только Дизи почему-то отказывался вкушать вкусные конфеты. Никто, безусловно, не последовал его примеру, за обе щеки уплетая вязкий шоколад.

Дальнейший набег на неприступную древнюю крепость особо не планировался, ребята испачканные карамелью и щедро обогащенные сладостями, воодушевленные победой направились напрямиком к дому мистера Чарка. Всей разноголосой гурьбой они встали на пороге его дома. Громко постучали. Вскоре показался старик поначалу в окне, затем и в дверном проеме, весь в песке и как по обыкновению не в слишком дружелюбном настроении.

– Радость или пакость? – теперь уже отрепетировано огласили маленькие актеры.

– А, понял, я ведь ещё не совсем выжил из ума. Увы, бездельники, выбор у вас невелик. – ответил им старик.

– Нет уж, это вы выбирайте, мистер Чарк. – улыбнулся старику Эван.

– Охотно. – сгримасничал мистер Чарк. – Ну, сладостей, понятное дело, у меня нет. Но есть сигары. Будете?

– Мы не курим, мы же дети, да и курить вредно для здоровья. – откликнулся Мокрый Джеф.

– А по вашему виду так сразу не скажешь. Вы явно шили костюмы, изрядно надышавшись зеленого табака. Сплошные чудища да пугала. – наигранно злорадно говорил старик. – Эх, нужно было переодеться привидением и пугать вас до заикания. Хотя мне до призрачного наряда рукой подать, не стоит особо напрягаться, к тому же он, кстати, бесплатный.

– Хотелось бы на это посмотреть. – заявил без задней мысли Эван.

Мистер Чарк оторопел.

– Что, не дождетесь, когда я уйду в мир иной? Или ты про ненастоящий костюм призрака? Что ты меня всё время пугаешь. И не стойте здесь, словно в землю вросли, вы задали вопрос, я вам ответил. Что ещё вам от меня надо? – тут дети сделали умильный взгляд кота в сапогах из мультфильма “Шрек”. – Не дождетесь, только и умеете, что клянчить улыбки у взрослых, словно клоуны. Кстати о клоунах.

У мистера Чарка явно был пунктик насчет цирковых актеров, должно быть болезненная психологическая травма детства.

– Мистер Чарк, ближе к делу. – поторопил его Эван, пока другие не решались заговорить со странным стариком. Однако Мокрый Джеф рослый мальчик, решил во второй раз высказаться.

– А то нарветесь на пакость.

Мистер Чарк даже усмехнулся от такой дерзости.

– Что, не боитесь капитана, вот мигом все окажетесь за бортом. – выкрикнул в ответ мистер Чарк.

– Ах, так! – возгласил Эван. – Помните наш секрет, насчет морских обитателей. Пускай я буду плавать вне корабля, зато без секретов.

– Тихо! – улыбаясь, зашипел старик. – Сейчас что-нибудь придумаю. Уговорили, прохиндеи. – он уходил и бубнил, ворчал, скряжничал и снова бубнил. – И кто на милость, скажите, ко мне пожаловал: безбородый пират, принцесса на горошине, жук навозный, верзила недоношенный, да и этот герой любовник...

Последнее было прямо в точку, Эвану даже понравилось такое определение их костюмов, а вот Сэм, кажется, побагровел.

– Почему он так рьяно противится нас угостить? Никогда не встречал столь непомерную жадность. – сказал обидевшись Сэм.

– Скорее это удачно сыгранное скряжничество или же попросту ему захотелось поговорить с нами. Так куда интересней, чем натужно лицемерно улыбнуться, дать конфеты и захлопнуть дверь по-английски. Должно быть ему крайне одиноко живется на свете. – заявил в защиту старика Эван.

Покуда они болтали, к ним незаметно подкрался мистер Чарк с запыленной коробкой шоколадных конфет, причем

та была зверски раскрыта.

– Я тут, кажется, парочку годков назад видел в этой коробке несколько надкусанных конфет. Даже не вспомню когда. Может я сам был тогда маленьким.

Сей роковое заявление не вызвало среди детей бурного удивления, скорее нотка сожаления зазвучала в них. Эван отворил коробку конфет. В ней оказались аккуратно выложенные конфеты, явственно твердые и самое страшное – белые, с белым налетом на глазури, значит крайне состарившиеся, совсем очерствелые от времени. Старик в ответ лишь пожал плечами и скромно скрылся за дверью, видимо направился продолжать греть черепашины яйца.

– Хитроумие из пожилых людей сегодня просто бьет ключом. – натужно процедил Эван.

– У меня уже руки чешутся. – грозно высказался Мокрый Джеф.

– Пойдемте дальше. – остановил его Эван. – Ведь мистер Чарк отдал всё, что у него было, да и у столь горького человека могут ли быть сладости.

– Фу, да этим конфетам должно быть столько лет сколько и ему самому. – побрезговала Анжелика.

– Смотрите, Дизи кажется, распробовал их, уплетает прямо как оголодавший кашалот. – пошутил Эван, констатируя непреложный факт, маленький мальчик видимо решил что его зубы лучше пусть сломаются об твердь шоколада мистера Чарка, чем выпадут от кариеса миссис Магнолии.

Таким незаурядным, местами шокирующим способом дети обошли все имеющиеся в Персифале дома, за исключением одного. Кульминацией опустошения погребов стался непосредственно дом самого Эвана. Неизвестно почему его решили посетить последним, может потому что мальчику не хотелось слушать всякого рода родительские наставления и советы, как, к примеру, о том, почему опасно ходить по ночному городу. Однако многие взрослые так думать давным-давно перестали, поскольку убежать за пределы города со всем желанием никому ещё не удавалось. Но родители Эвана вопреки разумным доводам настаивали на наличии мнимой угрозы. Впрочем, всё-таки дети находятся в примерной безопасности, если конечно не брать в расчет, что весь город непрестанно заливается дождевой водой.

Итак, обойдя все условности, с пухлыми набитыми конфетами карманами они поспешно всей разномастной толпой подошли к столь знакомой Эвану двери. Постучали. Преграду отворили его родители, которые должно быть совсем недавно играли в монополию с близняшками. Как однажды выразился Эван – скукотища, да и только. Ими были произнесены простодушные слова, без какой-либо самой натянутой улыбки.

– Эван, ты же понимаешь, что наши запасы нерезиновые, а вас так много...

Родители долго говорили, оправдывая свою скупость, и мальчику даже не хотелось спорить с ними, особенно посред-

ди стольких невольных слушателей. К тому же надо было как-то разнообразить праздничное времяпровождение. Почему бы тогда по этому поводу, не совершить всего одну скромную маленькую пакость, к тому же все от него именно этого действия и ждут.

Родители Эвана со вздохом переглянулись, захлопнули дверь, поставив тем самым жирную точку в возникшем вопросе.

– Пакость, что ж, они сами напросились. – прошептал Эван. – Как говорит старушка Сельма – “Ты забил еще один гвоздь в крышку моего гроба, это уже не крышка, а ёж какой-то”.

Но ребята неожиданно встали на сторону родителей Эвана.

– Бедные твои папа и мама, мне их так жаль, они такие несчастные, такие неулыбчивые. – сказала Анжелика.

– Потому-то и задумал их хорошенько растормошить. – ответил Эван.

– Так каков план? – жадно спросил Мокрый Джеф, намекая на необратимость предстоящей шалости.

Предвещалось нечто действительно серьезное, почти что фатальное.

Однако родители были Эвана и именно ему доверили принять окончательное роковое решение.

– А что если устроить небольшой потоп, они сильно перепугаются, начнут собирать пожитки. – предложил очеред-

ную глупость Сэм.

– Нет, здесь и так ежедневно происходит наводнение, давайте обойдемся без сердечных приступов, это всё-таки мои родители. – дальше Эвану предлагали, а он избирал лучший вариант исходя из ситуации.

– Тогда по старинки, изобразим привидения утопленников, накинем простыни, нарисуем злобные гримасы.

– Нет, пока мы будем мастерить новые костюмы, всякое желание пропадет, и время будет упущено.

– Как насчет того, чтобы повесить твои ботинки на ограду, дескать ты плюхнулся прямо в воду и больше тебя никто не видел.

– Тогда это уже не кучка привидений, а всего один несерьезный призрак. К тому же у меня нет особого желания ходить босиком.

– Может подключить к шалости твоих сестричек?

– Исключено, они не умеют хранить секреты.

– Да, но просто необходимо что-то предпринять, того требует непреложный устав праздника.

Эван вздохнул сказавши:

– Эх, никогда не было так трудно.

– Есть идея, давайте надоедать им, стучать, кричать... – как всегда сглупил Сэм.

– Нет, не выйдет, они упрямы и, в конце концов, перестанут вообще обращать на нас всякое внимание... – Эван отрицая их предложения, возымел свою собственную идею и

прокричал. – Эврика!

– Что такое? – всполошились все.

– Гениальная идея, самая лучшая. Вспомните и оглянитесь по сторонам, нас окружают серые дома, смотреть скучно на них. Давайте дружно раскрасим мой дом, красок, ясное дело, у нас нет, а вот мела разноцветного полным-полно.

– А как мы будем раскрашивать? – спросили удивленные и весьма обрадованные соучастники.

– Представьте, что перед вами большая раскраска. – воодушевленно пояснил Эван.

– Эта гораздо лучше прежних идей. – заявил Дизи, должно быть вспоминая свои пестрые экспрессионистские шедевры разукрашенные фломастерами.

Мелки не заставили себя ждать, их вскорости нашли и собрали в общую кучку.

– Итак, скрежетать мелками не будем, а то услышат. Давайте лучше истолчем мел руками, и ладонями разотрем пыльцу по поверхности стен. Если разноцветный мел закончится, возьмем белый, он куда лучше этой всегдашней серости.

После оных ободряющих слов все дети с охотой принялись за осуществление пакости, и что самое примечательное – окончание художественной школы здесь не требовалось, лишь изобретательность и некоторая ловкость рук. В общем, истинное творчество властвовало в те часы над детьми. Джеф откуда-то приволок лестницу, для раскрашивания бо-

лее высоких мест, хотя Эван его немного укорил за излишний шум. А костюм Сэма колоритно смотрелся в такой обстановке строжайшей секретности, прямо самый настоящий шпион, вот только фрак его скоро покрылся белой пудрой. Как впрочем, и все дети, выпачканные в мелу с ног до головы, не могли больше сдерживать некогда подавленный смех, уже несколько не боясь разбудить взрослых. Ведь шалость как гласит карта мародеров – удалась!

Утром первые ранние пташки выглянули из домов, и были приятно удивлены, почти шокированы, в общем, не сводили пучеглазых глаз с разноцветного дома пестрящего подобно новогодней елке. Дети постарались на славу, со временем конечно, их художественные труды пропадут, смоятся дождем, однако это того стоило. Ибо ради радуги, которую они никогда не видели, им нужно было её нарисовать. Известно, что виновник во всех бедах всегда один, но вот что странно, на него не сразу указали и подумали, потому, что раскрасить собственный дом, всем это показалось вдвойне неприличным, несерьезным с точки зрения взрослых. Но по нескрываемой улыбке Эвана всем всё стало предельно ясно, сразу поняли, кто тот проказник учинивший такое красочное безобразие. Впрочем, его родители не особо расстроились по этому поводу, ведь дом был измазан мелом снаружи, а не внутри, значит, ненужно было особо тщательно убираться. Сестрички, те вообще оказались благосклонно довольны

к произошедшему событию, ведь их домик отныне стал похож на жилище сказочного единорога или феи Динь-Динь.

Таким эпичным образом, окончился праздничный день. У кого-то болел желудок от избытка сладостей, кто-то отсыпался беспробудным сном, кто-то выслушивал увещевания – дескать, нехорошо бегать за мальчиками в столь юном возрасте, да и потакать их глупостям весьма безрассудно. А кого-то ждал серьезный разговор по поводу творческих амбиций, реализованных наглядно, дерзко, столь несвоевременно.

Затем начались серые дождливые будни.

В скором времени должно было начаться очень важное мероприятие, ведь чертежи были практически готовы, оставалось только продумать детали, ... но это уже следующая история.

Глава четвертая: Полет как точная наука. Крылья, перья и воздушный шар. И почему люди не летают?

Утром довольный Эван сидел за кухонным столом, пил чай с пирогом, еле сдерживая приступы хохота, смех словно вырывался из его груди. Тем временем родители, заметив его радостное расположение духа, с непониманием во взорах уставились на него, как будто на врага народа, видимо вчерашняя выходка доставила им множества моральных хлопот, ведь не все соседи оценили красочность дома по достоинству. Привыкшие к такому роду шалостям своего сына, родители не особо долго кипятились. Но оставаться безразличными к сему происшествию не посмели, ведь это противоречило родительскому этикету.

– Эван, пойми, мы конечно согласны с твоей учительницей, что в тебе пропадает истинный художник, который деловито выразился в росписи нашего дома. Понимаем, что это не самое страшное, что ты мог учинить, ведь мел скоро сохнет. Но, ответь на наш вопрос, зачем, для чего ты спровоцировал остальных детей на столь несносный проступок. – говорила мама.

– Какой поступок, дорогая? – переспросил папа.

– Нехороший, крайне безрассудный апломб в духе Эвана. – без заминки ответила она.

– И чтобы мы без него делали, скучали, причитали и ворчали. – воскликнул папа. – Вот почитай сегодняшний выпуск газеты. – сказавши сие он отворил лист. – Пишут только об откачке воды, да об укреплении свай под городом, и так каждую неделю. С ума можно сойти от тоски.

– Не оправдывай его, окрыленная свобода порою творит несвободные от вреда поступки. – заявила мама.

– Пустяки, дом стал выглядеть как-то живенько что ли. – ответил ей папа.

– Спасибо пап, могу сделать так и внутри. Только скажи, и всё будет пестрить и переливаться. – сказал воодушевленно Эван.

Однако отец не был настроен оптимистично по поводу судьбы мальчика.

– Послушай меня внимательно. Эван, ты сегодня будешь сидеть дома. Краски, карандаши и другие красящие вещества изымаются у тебя немедленно. И никаких пререканий.

Эван не смог сдержать недовольство:

– Но сегодня важный день, сегодня проектировка, создание каркаса замысла, так сказать.

– Ты всё расслышал. – лаконично отрезал его потуги не в привычку сердитый папа.

А ведь казался таким понимающим! Все взрослые одинаковые, поначалу соглашаются, затем выставляют свои амби-

ции выше других – подумал мальчик.

Безусловно, этот вердикт крайне расстроил Эвана, однако ему надо было сразу догадаться о предстоящем домашнем аресте. Так заведено в их семье, что надо убрать Эвана с глаз долой, дабы соседские сплетни с течением времени улеглись, за неимением возможности видеть объект пересудов.

– Так, значит, домашний арест. Вы тем самым ломаете мою карьеру художника! – заявил Эван, словно испуская последний выдох надежды.

– Художник творит не только на поверхности полотна, но в начале своего творческого пути творит в душе своей, в уме своём, поэтому мы тебя не ограничиваем, только на время даруем тебе некоторый душевный покой. – мудро рассудил папа.

– Да и дел по дому навалом, без тебя мне одной не управиться. – корыстолюбиво прибавила мама.

Приговоренный к безвременному заключению мальчик, хотел было протестуя ответить родителям, но не нашел подходящих слов защиты, ведь его участь окончательно предрешена. Ему остается только рыть подкоп, обучать голубей доставлять письма и вспоминать прошлое, без явной надежды на будущее. Преувеличение не главенствовало в его раздумьях, хотя немного пофантазировать он был не прочь.

Допив чай, мальчик решил отчалить от родительской пристани. Походкой оскорбленного человека он направился напрямиком в свою комнату. Но стоило ему зайти за поворот,

встать вне зоны родительской видимости, как его мерный шаг перешел на бег, ведь в нём созрел злодейский план.

Не везет ему в жизни, сначала была невольная помощь старикам, от которой, безусловно, были некоторые плюсы, праздник, и итог всему домоседство, причем, крайне бесполезное. Что будет делать в его отсутствии Совет Зонтов? Это легко представить, видимо будут сидеть в кружке, читая по слогам сказки Сэма. Это неправильное положение вещей удручало мальчика и приводило в ярое неодобрение.

Нынче ему предстояло стоять возле окна, меланхолично всматриваться в редких прохожих, улавливать всем зрительным обзором улицу, дабы заметить нужных ему персон, но почему-то никто не спешил обрадовать мальчика своим явлением. Эван уже начал отчаиваться, но тут внезапно показались курчавые волосы невысокого человека, идущего неспешно в сторону мельницы. Пришлось постучать по стеклу, чтобы привлечь внимание сего прохожего. Отчего Ангелика услышала неприятный звук и обернулась. К сожалению, говорить, даже кричать, из-за толщины двойного или тройного стекла было бесполезно, поэтому ему пришлось изъясняться с девочкой мимикой и жестами. Заключенный как бы манил в дом, указывал на горло, показывая тем самым насколько ему сейчас трудно и безвыходно. Девочка, отличающаяся сообразительностью, распознала его весомые доводы, отреагировав весьма правильно, потому незамедлительно поспешила ему на выручку. Мальчик распознал слу-

хом многообещающий звук открывающейся двери, потом не особо разборчивые диалоги.

Вскоре пришла мама с доброй вестью.

– К тебе пришла Анжелика. Поначалу я не хотела пускать её к тебе, но вспомнив то, как она иногда учит тебя уму разуму, сменила гнев на милость. Может хотя бы она тебя взрастит. – мама пропустила Анжелику в комнату рукой указывая на Эвана. – Вот он наказанный герой вчерашнего вечера.

– По всей строгости закона взрослых. – уточнил мальчик.

– С девочкой надеюсь не будешь озорничать. – тут она вздохнула. – Ладно, оставляю вас наедине. – сказала мама улыбаясь на ходу.

– Без сентиментальных намеков пожалуйста. – кинул ей вслед Эван, но женские сердца стались глухи к тем необдуманным словесам неразумного юнца.

Мама ушла, явно чувствуя превосходство и некоторое моральное удовлетворение.

Анжелика осматривая комнату Эвана, говорила чуть неровно:

– Итак, ситуация стала ясна. Ты теперь наказан, значит, не сможешь принимать участие в постройке воздушного шара. Также не сможешь руководить процессом. В общем, ничего не можешь.

– С такой нарочитой точностью определить моё нынешнее состояние способна только ты, Анжелика. – дерзнул Эван. – Планы рушатся прямо на глазах. Остается только одно, ты,

Анжелика, будешь моим информатором. У меня есть наброски чертежей, а в душе моей зародились намеки на способы выполнения столь сложной задачи. Вы тем временем будете подыскивать необходимый материал, готовить детали. Как только меня выпустят, мы начнем полномасштабное строительство. Пока что я доверяю только Джефу, он разбирается лучше остальных в тонкостях создания чего-либо, поэтому поспрашивай его о масштабах и о геометрии. А Сэм и Дизи пускай разгребают чердаки. Назначаю их главными кладоискателями, ведь нам позарез понадобятся кучи всякого хлама.

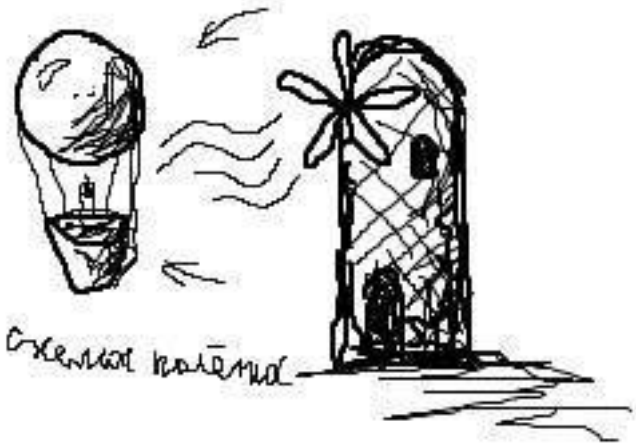
– Думаю я смогу приходить к тебе каждое утро. – пообещала девочка.

– Договорились. Итак, начнем по порядку.

Эван взял бумагу и карандаш. Начал изображать чертеж, но затем осознал, что рисунок вышел, не совсем ясен, поэтому ему пришлось добавить разъясняющий комментарий.

– Ты же сказал что всё уже нарисовал. – подтрунивала над ним девочка.

– Ну, как сказал папа, художник прежде создает в душе своей. – оправдался Эван и пунктуально предложил. – Вот ознакомься.



Воздушный шар. Нужно отыскать большую ткань, либо пленку, или крепкий и водостойкий навес. Влажный полив проверит на прочность найденное полотно.

Корзина. Не принципиально из чего будет состряпана, лишь бы получилась не тяжелой.

Затем нужна горелка с газом и баллон. Найти нетрудно.

Мешки с песком. Песок есть у мистера Чарка, а мешки в

кладовой мельницы.

Также у мистера Чарка есть аккумулятор и генератор электричества для мельницы.

– С помощью своеобразного винта разгоняющего воздух шар направится вверх или в сторону, в общем, определенно сдвинется с места, что позволит нам полететь. План прост как дважды два. Вот только нужно прежде много чего сделать и предпринять. – пояснил Эван указывая на ромашку в середине нарисованной мельницы.

Анжелика задумалась.

– Нам придется лететь в сторону, ведь над нами крыши и защитные экраны. – сказала девочка.

– Вдобавок к прочим проблемам, сам винт нужно починить. Пусть этим займется Джеф, он книгочей, надеюсь, разберется в этом как-нибудь. – произнес Эван.

– Хорошо я ему вскорости передам твои пожелания. – согласилась Анжелика.

Мальчик почесал макушку головы, удивляясь своей недетской рассудительности. Может это девочка на него так благотворно воздействует? “Нет, превращаться в двойника Сэма я не стану” – твердолобо мысленно заявил Эван и сказал:

– Вот вкратце весь план. Если не сработает, начнем придумывать нечто другое.

Тут Анжелика замялась от нерешительности. Очень на неё это не было похоже.

– Я бы хотела с тобой поговорить насчет тех, кто полетит. – скромно произнесла она.

А у Эвана не было никаких сомнений по этому поводу:

– Безусловно, полечу я, как организатор предприятия по спасению города. Ну и ты полетишь, раз вызвалась быть моим штурманом. – здесь, кажется, и он несколько замялся. – Вот тут-то могут возникнуть проблемки. Не смотри на меня так, словно хочешь испепелить меня взглядом. Во-первых, ты девочка, и должна понимать, что нам предстоит долгий путь. Как ты представляешь себе поход в туалет в квадратном периметре корзины? Зачем тебе все эти неудобства, да и сможем ли мы ужиться? Джеф, например, всегда спокоен и просто жаждет улететь отсюда. – но Анжелика и глазом не моргнула. – Еще нам нужны припасы, хотя тут плюсы на твоей стороне, ты кушаешь мало. – у Эвана словно сжалось сердце. – Во-вторых, и это самое главное, мы можем погибнуть. И я не хочу потерять тебя, не желаю видеть тебя покалеченной.

Девочка была тронута его заботой, но уверенный нрав её преобладал над чувствами.

– А жить в городе, который в любой момент может обрушиться, по-твоему, безопасней полета на воздушном шаре? Лучше быть затопленным? – вопрошала она.

– Правда на твоей стороне, мы и так постоянно риску-

ем, поэтому нам нечего терять. – согласился с её доводами Эван. – Но существует ещё одна проблемка с именем Сэм, который по уши втрескался в тебя. Он не отпустит тебя со мной ни под каким-либо предлогом. Либо сам полетит с тобой, оттеснив меня на задний план, либо сделает так, чтобы сам полёт стал невозможен. Я уверен на все сто, для него это больше чем мечта – оказаться с тобой в одной корзине. Мечтанье трепетное – сравнимое лишь с потерей сознания, либо с полным обезвоживанием.

– Я с ним поговорю. – весьма уверенно жутким тоном произнесла Анжелика.

– Этого лучше не делать, не стоит баловать его излишним вниманием. – пошутил Эван, дабы смягчить её страшные намерения.

– Значит, мы условились кто полетит. – пропустив его комментарий ответила она.

– В общем-то, да. – согласился мальчик.

– Замечательно, не волнуйся, Совету я передам весь твой план дословно. – девочка слегка махнула пальчиками, сказав на прощание. – Пока.

– Пока. – сказал Эван, затем вернулся к окну, дабы проводить её по улице уважительным и благодарным взором тайного дыхателя.

Незаметно наступил второй день заключения, принесший плоды познания о том, как именно продвигается инсце-

нировка задуманного освоения воздушного пространства, впрочем, и безвоздушного пространства, если вдруг мешков с песком окажется слишком мало. Эвана удручало физическое бездействие, эта искусственная немощь. В такие решающие дни, указывать пальцем и при этом стоять в стороне ему никак не хотелось. К счастью Анжелика прибегала к нему домой с изрядным постоянством, всегда находясь в приподнятом настроении, начинала с самого порога бурно повествовать о последних событиях. И вообще, она в последние дни как-то изменилась. Должно быть, столь сильно желает полететь, отчего позабыла все их нескончаемые давнишние споры.

– Твой план просто взорвал всех! – и тот девичий глас был подобен грому.

– Значит, отныне, мы остались только вдвоем? – наигранно сумрачно произнес Эван.

– В переносном смысле конечно. Твои идеи понравились всем, даже Сэму, а ты ведь знаешь какой он ворчун. Мы уже ринулись на поиски нужных частей чертежа, и у нас уже есть некоторые успехи.

– Какие? Рассказывай всё. – мальчик слыл нетерпением.

И Анжелика питала его новостями словно живой водой:

– У мистера Роспера дедушки Диззи есть брезент, которым он накрывает инструменты, чтобы те не ржавели. Корзину, как сказал Джеф, можно соорудить самим с помощью досок и гвоздей. Газовая горелка и баллон есть у Сэма, только он не

особо горит желанием с ними расстаться. А остальное возлагается на твои плечи, ведь только ты схож с мистером Чарком. – она с сожалением посмотрела на него. – Так, когда тебя выпустят, через неделю, если я не ошибаюсь?

– Вы молодцы, столько всего разузнать и найти за несколько дней – это потрясающе. Вот только жаль я не могу принять участие в практической реализации нашего замысла. Еще целых пять дней мне тут томиться. Это целая вечность! Нет, это пять мучительных вечностей... Боюсь вы всё делаете без меня. – невесело проговорил Эван.

– А как же мистер Чарк, ты забыл про него. Без тебя мы не сможем достать песок. Поэтому не вешай нос, пять дней это немало, но пролетят быстро, и не заметишь. К тому же поиск вещей это только первый этап, нужно будет потом из всего этого смастерить нужные нам детали.

– Справитесь и без меня, не переживайте. – пожелал Эван.

Теперь помимо привычного всплеска ручкой на прощание она ещё и улыбнулась. Интересно, куда подевался её мальчишечий норв? Неужели, Анжелика становится (даже страшно подумать) милой! А Эвану это изменение даже понравилось, хотя временами он скучает о её прошлом всегдашнем раздражении. Может быть, заимев к нему нежные чувства, девочка пожелала стать его отражением, чтобы он обратил на неё своё внимание. Но Эван с точностью ученого знал, что у девочек не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Теперь перед Эваном возвысилась подобно непреступной

горе трудная задача. Даже если ему удастся выбраться наружу, обрести свободу, мистер Чарк скорей всего генератор не отдаст, не потому что жаден, но по причине своего доброго желания согреть черепашат, которые пока что, как и Эван ютятся в скорлупе. А потом всю жизнь прячутся в панцире, как наши взрослые, которые построили себе город-раковину и ждут когда кончится дождь, вместо того чтобы выглянуть наружу и встретиться один на один с непогодой. В общем, скорей всего не отдаст сей нужный детям агрегат. И казалось, оный серьезнейший вопрос был неразрешимым, однако на следующее утро сей вопрос перестал быть таковым сложно-сочиненным.

Ночью Эвану снились невозможные всевозможные глупости. Какие-то растрепанные крылья, одиноко парящие перья, и во всей этой пернатой атмосфере виднелся воздушный шар улетающий прочь от Эвана, причем без пассажиров. Тут-то он и замечает крылья, прикрепленные к его рукам. Взмахнув ими, он поднялся всего на несколько метров, а потом как камень упал наземь. Далее он безрезультатно пробовал всё, что было подходящим для полета, даже надувные шары надувал, но ничто из перечисленного не могло уподобиться воздушному шару, столь насмешливо удаляющемуся в тумане утра. Эван вспомнил, что это всего лишь сон, поэтому не стал паниковать, а просто пожелал взлететь, и у него это получилось без особых помех и вспомогательных вещей.

Отныне он летел, а внизу разливалось волнами море, из той воды выпрыгивали озорные дельфины, а косяки рыб расходились в вальсе, перемененно меняя партнеров. “Ах, если бы у меня было ведро мистера Чарка” – подумал Эван и...

Сновидение оборвалось и испарилось из-за резкого мамингого голоса. Она тихо будила Эвана некоторое время и звала того на кухню. Мальчик спросил у неё, что случилось, но не услышал в ответ ничего вразумительного о причине столь раннего пробуждения. Потому сонно встал с кровати, ещё окончательно толком не осознавая реальный мир, который порою видится таким нереальным.

– Эван вставай. – продолжала созывать мама.

Но Эван опередил матушку, появившись пред её очами.

– В чем дело? – протирая глаза, спросил он.

– К тебе пришел мистер Чарк, по какому-то срочному делу. – ответила мама.

Мальчик дивился сему неожиданному повороту событий. Ведь на часах всего около шести часов утра, а мистер Чарк уже стоит в дверях, вопросительно так смотрит и хмурыми глазами говорит – дескать, ничего не поделаешь, служба зовет. Но что именно понадобилось старику – казалось тайной. Так оно и было.

Подойдя к нему, Эван поинтересовался о цели столь раннего, негаданного визита.

– Ты мне сегодня очень нужен, причем срочно, без отлагательств. – как всегда упрямо и пространно изъяснялся ми-

стер Чарк.

– Буду рад помочь. – не задумываясь согласился сонный Эван.

– Я уже обо всё договорился, ты отныне состоишь на моем попечении. Да, слышал я о твоих проказах, и одну видел секунду назад. Но, скажу по секрету, я бы и сам не отказался от такой раскраски своего дома. А то видите ли меня считают не таким как все, так пусть и хибара моя тоже считается уникальной в своем роде. – старик улыбаясь прокашлялся. – Ладно, что попусту болтать. Давай собирайся поскорей и пойдем.

– “Утеплитель” сломался? – спросил мальчик, желая знать намерения мистера Чарка.

– Это как сказать. Скорей всего он больше не нужен. – загадочно ответил старик. – Посему не задерживайся. Дорога каждая минута. – затем он перешел на шепот и кажется тихо хихикнул. – А то я скоро отниму у тебя корону хулигана, когда весь город заполонят мои маленькие друзья.

Вопреки дурным предзнаменованиям, как впрочем, и вопреки сонному рассудку, Эван последовал за загадочным стариком. Всё же влажный свежий воздух улицы вскоре взбодрил мальчика. Оказывается, свобода это прекрасно. Но что именно могло нарушить беспокойный старческий сон, какое важное событие смогло вызволить из берлоги необщительного мистера Чарка, да к тому же сразу обратить того не к соседу Дику, а к арестованному мальчику? Однако по доро-

ге к дому старика, Эван получил ответ на свой насущный вопрос, словесно излитый с неподдельной искренностью младенца.

– Дело касается нашей с тобой тайны. – проговорил старик.

– А, вы говорите о черепашках. – вспомнил мальчик. – Так что с ними стряслось?

– С ними произошло самое страшное, что вообще может произойти, а именно.... – замялся с ответом тот. – Короче говоря, они вылупились подобно птенцам. Родились, появились на свет Божий, как тебе угодно. Выползли, значит из песка, не отряхиваясь, и начали познавать окружающий мир.

– Так это же здорово! – воскликнул обрадованный мальчик.

– Не особо. – мистер Чарк почему-то не был солидарен с восхищением Эвана. – Когда по твоим комнатам шныряют с резвостью мустанга, вылупив глазки животные, то, знаешь ли, здесь лишь хватаешься за голову, не зная, что делать со всей этой дикой оравой.

Когда они пришли в дом, оказалось, и вправду, комнаты просто кишели черепахами. Эван увидел эту диковинную картину наглядно, своими глазами распознал тех панцирных малюток, которых сразу ему непосильно стало жаль. Однако старик выдумал выход из затруднительного положения.

– Применим к ним наше закадычное ведро, в которое нальем воды, и спустим черепах поочередно в море. Как ты на

это смотришь? – предложил старик.

– Лучше и не придумаешь. – согласился Эван.

– Только для начала нужно всех поймать, а с моей радикальной спиной это проблематично. – пожаловался мистер Чарк.

– Хорошо. – в этот раз мальчик не стал вздыхать, уж больно сильно ему хотелось аккуратно пощупать руками черепах, разглядеть их вблизи.

Однако занятие выдалось нелегким, но весьма забавным. Смешно было смотреть на то, как мистер Чарк бегает взад-вперед по комнатам, указывая на маленьких беглецов, некоторые из которых будто вздумали играть с людьми в прятки. Мальчик аккуратно брал каждое животное и клал на дно ведра с водой и не с меньшей прилежной пунктуальностью опускал ведро вниз за ограду. Словно на лифте черепахи опускались в море. Корзина соприкасалась с поверхностью моря, и очередной зверек свободно уходил в не менее свободное плавание. “Видимо идея с обогревом песка хорошо сработала” – впервые подумал мальчик, вспомнив, как подолгу он крутил рычаг для питания электрической лампы.

В общем, сей доброе деяние, они окончили быстрехонько. Старик явно устал поднимать указующий перст, а у Эвана уже руки тряслись от постоянного силового напряжения. Всё же, несмотря на всю усталость, спасение живых существ – занятие благородное, творимое не для выгоды, но ради самой идеи добродетели. Улучшение качества жизни ближних

всегда приносит радость людям.

Старик опустил на пол, вернее на песок.

– Хорошее дело мы с тобой сегодня совершили, аж душа счастливится. – проговорил он.

– А вы уверены, что мы отпустили на волю всех черепах? – спросил мальчик.

– Конечно, я же подсчитал всех этих негодяев, когда они поочередно выползали из песка. – задумавшись мистер Чарк пробубнил. – Я уже скучаю по ним.

– И кого теперь вы будете согревать, и лелеять? – смешливо спросил Эван.

– Ты это на что намекаешь. – пригрозил мальчику костлявым пальцем старик, но поняв всю невинность его вопроса, лишь ухмыльнулся в ответ, и как-то мудро повел глазами. – Не будем сегодня говорить обо мне, ведь у тебя сегодня День Рождения. Поэтому говори, не стесняйся, что ты хочешь получить в качестве подарка.

– Вы знаете о моём Дне Рождении? – удивился Эван. – Видимо тому виной мои родители, они специально подговорили вас отвлечь меня, покуда сами будут готовить мой праздничный стол. Жаль, что это не так. – Эван вздохнул. – Люди почему-то не любят мой День Рождения.

– Это потому что тот день твоего первого плача у всех вызывает раздражение. Но по мне это полнейшая глупость. Ребенок заплакал, ну и что ж теперь, верить всяким цыганкам, говорившим будто ребенок – “источивший влагу очами

спасенье граду явит речами”, или погибель, это кому какая интерпретация нравится. Но, не будем об этом. Лучше хотя бы намекни о подарке.

– Нужно подумать. – Эван пропустил речь старика, ведь его мало волновало прошлое с его предрассудками, но искренно волновало их будущее.

– Подумай. – сказал мистер Чарк, почти что приказывая, а затем словно изобразив мудрого старца, изрек. – И покуда ты размышляешь, я поведаю тебе одну тайну. Вот видишь, недавно мы сотворили одно доброе деяние, простое и в то же время достаточно важное. И для кого сделали сей добро – напрашивается философский вопрос. Кто-то ответит, что якобы для самих себя постарались, но мы о том скоро позабудем, либо добро сделали тем животных, но мне думается, они даже и не поняли, что произошло с ними. Может быть, ради Бога сделали добро, ибо любая добродетель творится во славное имя Его. И я думаю это последнее самое верное мироощущение. Ведь благодарность Богу за доброту в нас это самое важное в жизни, как и стремление к совершенству добра. Тогда не появятся в нас высокомерие, гордыня или тщеславие. Тогда мы не будем ждать от людей того же благодушия, кое мы к ним оказали. Будем отдавать безвозмездно. Вот тебе не нравятся прошлые времена. Но мы, запершись в городе на воде, забыли многие древние знания о добре. Мы должны созидать добрые дела, но вместо этого мы отчаиваемся и ропщем на жизнь. Старики вроде меня еще кое-что

помнят, а вот вас детей ничему хорошему не учат. А почему? Да потому что многие уже потеряли всякую надежду на спасение, и только ожидают когда рухнут балки, и Персифаль сгинет подобно Атлантиде. Вот уплыть бы вам отсюда.

– Уплыть? – переспросил Эван, вспомнив нечто важное. – Зачем, когда можно улететь. – воскликнул он. – Я хранил вашу тайну, а теперь сохраните мою. Ваш генератор или аккумулятор очень нам нужен, на время, конечно, на некоторое время. Ну что подарите мне его?

– Ты прав, кроме песка и этой железяки у меня ничего не осталось. – ответил мистер Чарк.

– Ещё песок весьма нам нужен, пожалуйста, немного, мешка так четыре. – спросил Эван.

– Вот-вот так всегда и бывает, спросишь о подарке на День Рождения, и в итоге отдаешь последние штаны. – заворчал старик покачивая головой.

– Штаны можете оставить себе. – сыронизировал Эван.

– Всё забирай. – сдался мистер Чарк. – Зачем они мне сейчас? Только ведите себя аккуратно. Ох, опасное дело вы затеяли ребятки. На счет песка я не беспокоюсь, вы его можете только проглотить, может это даже и полезно для пищеварения. Вот, к примеру, индюшки глотают камушки, не знаю для чего, должно быть на вкус камушки приятны. Что ты так на меня уставился? Я самолично камни не ел. – старик махнул рукой. – Это всё ерунда. А вот генератор вещь действительно опасная, глядишь, и взорваться может. Техника вещь

непредсказуемая, хотя и собрана по четкой системе. Так что смотрите, осторожней там. Пусть им заведует тот парень, ну который упал в воду.

– Мокрый Джеф. – радовался Эван.

– Да, он самый, тот головастик. – ответил и вспомнил мистер Чарк.

– Неужели вы что-то знаете о нашем Совете Зонтов? – спросил мальчик.

– Вопрос, как говорится, на миллион. Нет, конечно, понятия не имею, о чем ты. Но чем вы там занимаетесь на мельнице догадаться весьма просто, уж точно не в покер играете. Эх, очередная кучка идеалистов и революционеров. Как на меня вы похожи. – старик усмехнулся. – И я в своё молочное время частенько сбегал из дома. Однако, хочу я тебе сказать, это была глупая затея. Разве во всём мире есть место лучше, чем там, где твои родные, даже если они не так добры и улыбчивы как в телевизоре. Что, разве на улице встретишь более родных людей, нежели домашние наши? Поверь мне, там нисколько не лучше. Но в наши ветхие времена сбегать было гораздо проще, не было этого дождя, этого моря.

– Мы не сбежать хотим, а лишь изведать, что там за морем, там, где нет дождя. – пояснил Эван.

– Тяга к познанию, это нормально для вашего возраста. Все дети хотят, не умея ходить залезть на табурет. Всё-таки не стоит думать лишь о своих напыщенных амбициях. – ответил старик.

– А мы думаем не только о себе, но и обо всех наших родных. Если там суша, то все жители Персифаля смогут перебраться туда. – воскликнул Эван со всею горячностью правдолюбца.

– Значит, полагаешь, будто во взрослых ещё осталась хоть какая-нибудь захудалая надежда. Но скажи мне, кто виноват в потере всякой надежды в них, в той страшной утрате? Отвечу – они сами виновны. Я лично всегда был грустен, сколько себя помню, но они не бывши, стали такими. Где те улыбки и где тот громкий смех, которые каждый день поднимали меня с постели. Куда подевался тот оптимизм, которому я всегда так завидовал. Где влюбленные пары, мирно беседующие о всяких нелепицах, вид которых меня столь умилял. Куда подевалось вся та далекая от меня часть жизни? О, как бы я хотел вернуть то позабытое всеми время. Пойми, я не желаю жить в мире, который столь на меня похож. Ведь я нелюдимый, угрюмый изгой. А теперь воззрись на других, и ты увидишь сколь они стали подобны мне, заперлись в своих домах и жалуется на погоду. И это весьма скверно выглядит, не таясь, скажу я тебе – это обстоятельство лишает меня всякой индивидуальности. Надобно немедля исправить эту гнусную ситуацию. Запомни, лишь любя друг друга, только будучи добрыми, искренними и кроткими мы обретем долгожданную свободу. Поэтому, мне думается, ожидать, когда рухнут балки и опоры, не стоит. Я конечно стар и немощен, а вот вам детки ещё многое предстоит исправить в нашем

не столь пропащем мире. Только не забывайте ради Кого вы это делаете. – окончил мистер Чарк речь свою, которая напоминала исповедь. Ибо он никогда не был столь откровенен, столь душевно открыт окружающему миру.

И в честь День Рождения Эвана, старик помог мальчику довести на тележке подаренный им агрегат прямиком к мельнице. Мальчик всю дорогу шел с некоторой опаской, ведь его домашний арест пока что не окончен, а он видите ли, наглец этакий, расхаживает здесь, наслаждаясь свободой, под покровительством старика, не утратившего детскую наивность. Но вскоре завидев мельницу, Эван утратил всякую осторожность. И помимо помощи с подъемом машины на верхотуру, мистер Чарк вдобавок вызвался помочь с установкой большого вентилятора на мельнице. Ибо Дик, его друг, насколько он знает, хорошо разбирается в технике, поэтому пообещал что-нибудь придумать.

– Если даже ваш план не сработает, то башня станет похожа на настоящую мельницу, то будет словно декорация из фильма о Дон Кихоте. – с этими словами мистер Чарк простился с Эваном, одарив того кучей подарков, пускай даже и несколько сыпучей кучей. Но напоследок предостерегающе посоветовал не задерживаться Эвану, ибо его родители могут подумать, что-нибудь неладное. Ишь как старик злоупотребляет детским безвозмездным трудом – могли бы заявить те со всем родительским переживанием.

Оказалось, неожиданно-негаданно, что в этот знаменатель-

ный день Эван совершил больше дел, чем весь Совет Зонтов в его отсутствие. Этакие ковырятели в носу – подумал он, понимая, сколь скромны были их подвижки, ведь одна часть вещей лежит там, другая здесь, но как их заполучить, никто и не подумал, и пальцем не пошевелил, хотя нет, они шевелили, только не в том месте. Однако судить так строго и скоропостижно Эвану не стоило, нагнетать негатив было бесполезно, даже вредно, или как говорит Сэм – “бесполезняк”. И вообще как-то в его отсутствие все расслабились, двигались улиткообразно медленно.

Однако появление предводителя шайки, этого идейного вдохновителя, возродило в ребятах энтузиазм. Эвана встретили как выходца из тюрьмы, словно свершилось торжество невиновности. В честь Дня Рождения тому предложили конфет, которые Эван тут же отведал. В течение получаса ему пришлось изрядно покомандовать и многое рассказать, чтобы в его дальнейшее отсутствие, хотя бы материалы были приготовлены. Потом друзья подарили ему простенькие подарки: плакаты от Джефа, карточки от Сэма, игрушки от Дизи. И самое главное и запоминающееся – кулон от Анжелики, не какой-нибудь розовый девчачий, а вполне забавный, с глубоким смыслом.



Когда Эван взглянул на свои часы, то сильно испугался, а ведь он столько всего не успел им сказать, однако ему пришлось спешить. Он обернулся и помахал всем рукой. А Дизи как-то загадочно прорвало, он задумчиво, с выражением греческого философа вопросительно произнес:

– И почему люди не летают?

Глава пятая: Акробатика как причина перелома. Последние приготовления. И, я не сдамся, слышите!

По-прошествии нескольких дней, когда цветной мел намок, местами смылся с дома, и впоследствии испарился по закону круговорота воды в природе, заключенный узник с изволения родительского надзора был отпущен под подписку о невыезде, что, впрочем, Эван категорически не удостоил внимания. Ибо неудержимо желал покинуть сей оплот унылого дождя любой ценой, или хотя бы попытаться выйти за пределы города. Не описать, сколь приятно ему было ступать по знакомым мостикам, видеть стоки для воды и своеобразные стеклянные крыши, наполнять легкие чуть холодноватым воздухом с некоторой долей живительного кислорода, в общем, просто наслаждаться долгожданной свободой. Ведь впереди его ждут великие свершения, громкие неудачи, предательства, предательства или всеобщее дружеское веселье. Неважно, что именно сулит неизвестное будущее, самое главное для него сейчас, это сообща с друзьями соорудить некий памятник невообразимого героизма духа восстающе-

го над унынием. И прибывая в таких высоких помыслах или в таковых грезах футуролога, он раньше всех в нетерпении прибежал к знакомой нам мельнице, явился туда, где ожидала его большая неожиданная недосказанность. Вентилятор на вершине мельницы, оказывается, отныне готов и починен, осталось только испробовать его в действии, необходимо выяснить – будут ли потоки воздуха отбрасывать в сторону довольно мощный шквал ветра, тем самым сдвигая нелегкий по весу какой-либо летящий предмет. Видно как мистер Чарк и мистер Диккенс поработали на славу. “Нужно будет обязательно поблагодарить их при встрече” – подумал и решил мальчик.

Вокруг довольно сумрачно. А он мучимый любопытством, явился сюда в столь ранний час, дабы открыто порадоваться успехам своей команды, хотя веревки, доски, гвозди, горелка и баллон свалены кое-как, всё же уроки по выспрашиванию необходимых им вещей оказались не напрасны. Замысел все эти дни не стоял на месте, им осталось только собрать этот большой конструктор. Жаль только, детали не пронумерованы, и у них нет точной схемы построения. Но разве в детстве нас это когда-либо останавливало? Никогда! Оказалось что Совет Зонтов организация весьма полезная для города, действительно спасительная. Так изначально и задумывал Эван, и все остальные дети искренно верили ему, ожидая скорые перемены в их жизни. Других попыток скорей всего не будет, одно из двух: либо они полетят, либо нет.

И даже если взрослые увидят летящий над городом воздушный шар, то пусть думают что это игрушка, и не более того. К тому же взрослые никогда не верят в то, что дети способны на героические подвиги.

Покуда никого поблизости нет, Эван самоуверенно решил испробовать свежую постройку, иначе говоря, захотел включить генератор и понаблюдать, что же произойдет. Понадеявшись на удачу, он взобрался наверх мельницы. Выполнил нехитрые манипуляции с машиной, размещенной прямо под окном. Отчего мельница гулко заработала. “Победа!” – внутренне выкрикнул мальчик – “Первое условие удачного полета выполнено”. Что двигало им в тот роковой момент, он даже впоследствии не удосужился выяснить. Может быть, хотел продемонстрировать самому себе, какой он смелый, или хотел проверить работоспособность конструкции, или это была простая детская любознательность. Как бы то ни было, закончилось сей действие не очень хорошо.

Сколько раз в детстве нам твердят не лезть туда, куда не надо, хотя взрослые бывают чересчур рассудительны, здесь они вполне оказываются правы на счет возможной опасности. Ведь дети не осознают ценность жизни, они не познали жизнь хотя бы в малой мере добродетели. Поэтому бывает, что столовая вилка торчит в розетке, а рядышком сидит малыш болезненно ударенный электрическим током весь в слезах, толком не понимая, как так вышло, как так получилось. Так и Эван вскоре решил по ближе посмотреть на венти-

лятор.

Когда винт разогнался, мальчик зацепился за него краем одежды и улетел уносимый неудержимой силой потока воздуха, словно воздушный шарик. Вот только земное притяжение к несчастью никто не соизволил отменить. Он даже испугаться не успел, когда словно восторженный аэронавт, будто на карусели, соскользнул с сиденья позабыв пристегнуться ремнем безопасности, Эван рухнул на доски, смягчив падение рукой, которая уберегла ребра, но сама жертвенно покалечилась. Произошел вывих, и даже показалось, что хрустнула кость. Ему стало больно, обидно на самого себя, и как-то мерзко. Ибо ради тех увлекательных секунд ему явно не стоило ломать конечности. “Глупейшая моя затея из всех возможных и невозможных” – мысленно возопил Эван, морщась от невыносимого нытья в руке, словно его сестрички ухватились одна за локоть, другая за ладонь, и тащат в разные стороны со всей упрямой напористостью. Вставать Эван не хотел, уж слишком больно было, да и вскоре прибежала скорая помощь в виде ребят. “Где они интересно были раньше, почему не остановили меня” – здесь он уже начинал винить в своем несчастье не только себя, но и других.

События дальше развивались как в сценарии второсортного фильма: привели к доктору, полечили, перевязали, оказалось, судя по точечной боли, что у него маленькая трещинка на кости, потом последовал тяжелый разговор с родителями. Эван, безусловно, ожидал полного разгрома с их сторо-

ны, но плохая репутация мальчика и всеобщая усталость от его выходок сыграли свою оправдательную роль. Родители, расстроено вздохнув, сослались на неисправимость их сына. Его даже похвалили, за то, что он в этот раз не втянул в свою дурную затею никого из ребят, хорошо, что никто не пострадал. И вообще не было никакого смысла ругать больного, ведь тому и так плохо по собственной вине. Удрученный он сидел в медкабинете, жалея о том, что не сможет принять участие в постройке воздушного шара. “Теперь всем будет управлять проныра Сэм, значит, тот горе воздыхатель полетит с Анжеликой” – такие грустные мысли бороздили просторы души мальчика – “Зачем я только полез туда? Я больше никогда не буду изображать из себя супергероя”.

Рабочий дух ребят в связи с трагическими событиями не был сломлен, наоборот сборка замысла продвигалась семимильными шагами. Чуть Эван поправился, так сразу начал помогать друзьям, обещая родителям, что не будет более никуда залезать. Он ожидал от ребят, что они сразу начнут упрекать его, осмеивать, или вовсе исключат из Совета Зонтов, но к счастью сего непоседу приняли радушно. Хотя статус мыслителя отныне был им навеки потерян, ведь умный человек ни за что не решится калечить себя, когда так нужны каждые здоровые руки. Ныне, как и предполагалось, всем действием заведует Сэм. Всё же стоять и тупо смотреть, как кипит работа, Эван не хотел, поэтому с помощью одной ру-

ки помогал своим друзьям, но чаще просто шутил, тем самым поддерживая оптимизм трудящихся, который в Персифале на вес золота. Мокрый Джеф стал без преувеличения рок-звездой, без него не получилось бы ничего сносного, тот самолично сколотил корзину, скрепил брезент в виде сферы, в общем, делал почти всё сам. В это время Сэм постоянно только мешался, нудил, издавая нелепые приказания. А вот Анжелика, своим девичьим обаянием всех воодушевляла, подбадривала своим новым немного нежным характером. Взрослые, знаемо дело, не совались в их владения, в их строительные угодья. Только мистер Чарк иногда захаживал к ним и дивился постепенно появляющемуся воздушному шару, который выставили прямо над вентиляем, дабы впоследствии шар взлетел, попав под струю толкающего воздуха, взметнутся в сторону, преодолев крыши и мостики.

Как хорошо, что Эван не утратил чувство умора. Он постоянно подтрунивал над своей больной рукой, говоря, что он якобы одной конечностью делает больше чем они все вместе взятые. И смеясь, на него никто не обижался.

Таким образом происходили последние приготовления к предстоящему полету на воздушном шаре.

Все дети строят чудесные домики на деревьях, всевозможные шалаши, для того, чтобы покинуть на время родительский кров, обзаведясь собственным личным местом, где всё устроено по их собственному желанию. Но это всё видит-

ся цветочками, по сравнению с настоящим воздушным шаром, который, сразу стоит обговорить, не был похож на картинку в энциклопедии. Однако некоторая братская схожесть имелась между ними, пускай, сразу не кидающаяся в глаза. Глянцевая поверхность шара, конечно, несколько скомкана, она вовсе не гладкая, да и корзина кое-где просвечивает, все мешки с песком в заплатах. Но это всё ерунда, ведь главным теперь было практическое использование шара, ведь теории и чертежи отныне остались позади.

Однажды после утомительной работы, Анжелика и Эван остались вдвоем, и у них завязался доверительный диалог.

– Ты же понимаешь что я теперь бракованный, меня задвинули глубоко в ящик ненужных вещей. И видимо я не полечу. – не в привычку пожаловался Эван.

– Тогда я тоже не полечу, пускай сами во всём разбираются. – сказала надувшись Анжелика.

– Сэм того не допустит, ведь его желание полететь с тобой велико, это его мечта, сулящая тому объятья в тесной корзине. Ведь он словно афиша, подходи, да и читай с его лба мелодраматичные планы. – покачал головой Эван.

– Впредь я не буду с ним общаться, фу какая глупость. Лучше я в море упаду. Или его вышвырну за борт. – гневно воскликнула девочка.

– Заманчиво звучит, но думаю, тебе не стоит отказываться от полёта. Ведь мы так долго к этому шли. Ведь мы хотим

всех спасти. А ты вот так легко отрицаешь значимость нашей затеи. Ради этого стоит претерпеть ухаживания Сэма.

– Что и ты бы тоже терпел, будь ты девочкой, если бы он положил на тебя глаз? – теперь уже на него гневно воззрилась Анжелика.

– Нет, лучше сломать вторую руку. – заулыбался Эван.

– Поэтому-то и невозможно. – тут Анжелика заробела и произнесла. – Ты мне, правда, нравишься. Поэтому если я и полечу, то только с тобой.

– Приятно слышать. Ты тоже мне нравишься, ты очень милая, когда не пытаешься препирательствами обуздать мой супергеройский темперамент. – мягко произнес Эван. – Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Ты же знаешь, что импровизация мой конек. – тут он переменял тему разговора. – Как думаешь, там, на небесах, мы будем скучать по родителям?

– Конечно, будем, пускай даже они такие снобы и зануды, но они нам дороги. И мы ведь обязательно вернемся к ним. – ответила девочка.

Мальчику в эти минуты доверительности было жутко странно, ведь девочка во всем с ним соглашалась, она несколько не стесняла его мысли.

– Уже кажется, темнеет. Думаю нам пора возвращаться домой, как ты считаешь? – спросил мальчик.

– Да, думаю нам пора. Завтра главный день в нашей жизни, самый незабываемый. – сказала девочка.

– Да, но жизнь такая длинная, разве это самое важное событие?

– Не самое, но детство такое короткое.

Они переглянулись. Они попрощались. Они на время расстались.

Эван тихо и одиноко шел по мостикам среди домиков, а дождь как всегда барабанил по всему, что попадалось на пути падения его жестоких капель. “О, недолго вам осталось музицировать дружным оркестром. Скоро закончится ваше мокрое правление, воссияет солнышко, и люди вновь научатся улыбаться. Детям станут читать смешные сказки о таких же детях как мы, возмечтавших построить воздушный шар, сказки о мистере Чарке и о его зеленых питомцах. Восторжествует праздник воскресения, и настанут дни, когда проблемы испарятся подобно влаге, и проявления любви станут явными и осязаемыми, слова обретут доброту, а лица засияют миром и равноденствием” – восторженно думал Эван.

– И, я не сдамся, слышите! – прокричал Эван, скорее себе, чем городу или дождю.

Однако весь город определенно услышал его вопль, но привыкший к тем совестливым детским порывам, вечно прибывающий в ленивой дремоте, не откликнулся.

Глава шестая: Два билета в один конец. Взлет без падений, не считая одного. И как же здорово быть ребенком!

– Леонарду да Винчи такое и не снилось. – произнес Мокрый Джеф, разглядывая готовый построенный воздушный шар.

Все дети последовали его примеру, встали перед своим творением будто замороженные. Им даже не верилось. Они поначалу даже сомневались в реальности этого большого объекта представшего во всей красе. Гениальность маленьких рук этих детей была неоспоримо доказана, причем наглядно. Шар надувался от горелки, в его корзину было положено как можно больше припасов, особенно те которые по долгу не портятся, теплая одежда, аптечка и всякие мелочи.

– Громоотводно. – пробормотал Дизи.

– Вернее громогласно. – поправил его Мокрый Джеф. – Вот вы думаете, я такой умный и всё знаю. Но пришло время чистосердечно признаться – я всё делал не думая, на одном вдохновении, порою толком не понимая, что куда присоединить.

– Давайте тогда вдохновенно похлопаем всем нам в честь окончания. – радостно предложила Анжелика.

И все дружно бурно зааплодировали, кроме Эвана конечно, тот не смог хлопнуть по причине перебинтованной руки. Поэтому получилось, будто все хлопают и радуются ему одному. Может быть, девочка именно этого и добивалась. Разве поймешь этих девчонок? И самое интересное, что папа, будучи уже взрослым, говорит то же самое и о маме, будто с возрастом ничего не меняется.

Когда всеобщее ликование стихло, следующим этапом было выбрать кандидатов на полет. Очень сложный вопрос, им, однако, предстояло решить. Впрочем, Эван более не настаивал на своем участии после того падения. Он присмирел и старался стоять в стороне от любых споров, понимая, что любой может победить его как физически, так и морально, ибо он по-прежнему корит себя за тот глупейший поступок. Когда забыв о возложенной на него ответственности и забыв о своей спасительной миссии, поступил опрометчиво, за что и получил заслуженное наказание в виде болящей руки.

Сэм, уже трепеща от победы, ухмылялся, вышагивал вдоль корзины, примеривался, видимо воображая, как будет происходить его первое свидание с девочкой. И много всего первого: первый полет, первый день без родителей, и насколько позволила его детская фантазия – первые романтические стихи. В том, что это скоро произойдет, он был почти уверен, хотя ни умением, ни представлением обо всем этом

не располагал. Эвана он давно списал со счетов. Чувствуя восторг, Сэм ни в чем не сомневался, потому горделиво выштался над другими.

А Анжелика в это время находилась в трудном положении, ведь одному мальчику ей придется отказать, тем самым обидев того, а второго предстоит обрадовать. Но выбор нужно было совершать немедленно, покуда Сэм не начал качать права, а он, это отлично умеет. Нужно было скорее расставить все точки и запятые в этой затянувшейся пьесе.

С виду девочка – сильная, упрямая, а внутри души такая хрупкая. Ей предстояло многое взять в свои кукольные ручки, ведь Эван сегодня столь нерешителен. Поэтому она сразу выдвинула серьезный бесповоротный ультиматум:

– Полечу я и Эван. Как мы и договаривались. – тут она сверкнула молниями глаз на скандалиста Сэма. – И ты, Сэм, можешь не жмуриться злорадно.

– Смешная шутка, но мне почему-то невесело. – рявкнул тот. – Этот калека никуда не полетит. Уже давно всем было ясно, кто полетит, а кто туточки останется. Только я полечу вместе с тобой.

– Нет. Этому не бывать. – ответила защитным выпадом Анжелика.

– Поглядите-ка на неё, какая командирша. Здесь я решаю, кому выдавать билеты, а кому нет. А билета всего два. – сказал Сэм.

– Пусть и дальше дерзит. Мы, невзирая на твои бредни,

полетим и ты нас не остановишь. – отрезала девочка и крикнула. – Эван, пошли в корзину.

Эван от таких громких слов, будто морально пробудился. Некоторое время он не решался сдвинуться с места, ведь знал, что дальше последует, знал на кого обрушится гнев и ярость бунтовщика. Но он столь долго ко всему этому шел, столько готовился, что отступить, теперь, по меньшей мере, было глупо. Хотя ранее их отправка представлялась куда спокойней. А в итоге их обуяли сплошные распри как у взрослых. Джеф и Дизи тем временем дружно решили не вмешиваться в их разборки. Поэтому Эван не встретил поддержки, но здраво рассудил – нужно идти, другой выбор не сулит никаких приключений.

Эван отворил дверцу корзины, после чего вошел туда, где оказалось просторней, чем виделось снаружи, а на мешках и скарбе можно было удобно усесться.

– Вылезай немедленно. – прокричал Сэм окончательного съехавший с катушек.

– Эван, не слушай его. – твердо произнесла Анжелика.

Сэм внезапно подскочил к девочке, решивши залезть насильно с боем в корзину, словно готовый ударить или отпихнуть её. Но тут, внезапно для всех, малыш Дизи преграждает тому забияке путь, вставши между Сэмом и Анжеликой. Дизи зажмурился, готовый принять все удары на себя. И вид этого храброго малыша, мгновенно вразумил Сэма. Тот разжал кулаки, горестно произнес:

– Я не хотел этого, простите, не знаю, что на меня нашло. Ведь ты, Анжелика, мне действительно нравишься. И из-за этого я становлюсь похожим на взрослого.

Но Анжелика была невозмутима.

– Я тебе не нравлюсь. Если бы ты действительно уважал меня, то отпустил бы меня.

И Сэм нехотя, но отпустил её.

После чего, покуда другие размышляли каждый о своём, девочка удобно расположилась в корзине воздушного шара.

– Мы пока что вольны остановиться. – внезапно заартачился Эван, испугавшись. – Я всё думаю о своих родителях, ведь они будут обо мне переживать. Дурные предчувствия не покидают меня, с тех пор как я повредил свою руку. Правильно ли мы поступаем? Вот в чем вопрос.

– Ты думаешь, я не боюсь? Ещё как трясусь. Но больше всего на свете я боюсь утонуть, а в нашем городке и при этом бесконечном дожде, мы точно все скоро потонем. И взрослые разве о том переживают? – проговорила Анжелика.

– Они уже давно со всем смирились. Поэтому только мы можем сделать хотя бы что-то для спасения нашего города. – заключил Эван приобретя воодушевление.

Тем временем Мокрый Джеф побежал наверх, дабы включить генератор. Что он и проделал. Вентилятор вскоре заработал, разгоняя влажный воздух. Эван прижался к стенке корзины, он смотрел на Персифаль, мысленно прощаясь с родным городком. Анжелика отвязывала мешки с пес-

ком, которые падали и рассыпались подобно фейерверку в их честь. После чего воздушный шар начал медленно подниматься вверх. “Только бы сработал наш план!” – подумали все, даже задира Сэм. И попав под струю воздуха, шар начало заносить в сторону, но медленнее чем задумывалось в теории, отчего опасность столкнуться с крышей всё еще присутствовала. Однако обошлось без приключений, разрушений, но не без треволнений. Шар пролетел над куполом с двумя пассажирами в корзине, чудом не коснувшись заградительной поверхности, и устремился в неведомую даль.

Дизи вслед друзьям махал ручкой, хотя Эвану и Анжелике в то время было не до сентиментальностей. Им пришлось ногтями вцепиться в деревянные стенки корзины, чтобы ненароком не выпасть из неё. Однако вскоре воздушный шар покинул пределы города. Дождь шумно начал бить по надутому брезенту. Наудачу ливень оказался прямым, поэтому дети стались невредимы. Шар как-то неудобно штурмовало, заносило, и, кажется, тот даже начал немного снижаться. Испуганные дети при помощи трещин в досках корзины видели, как к ним приближается темное море. В связи с этой устрашающей причиной они отвязали ещё два мешка, и сразу по инерции почувствовали облегчение груза всей конструкции, однако всё же ощутили, как корзина устрашающе чиркнула об гладь воды. Ещё несколько лишних секунд, и они бы погрузились в те непроглядные пучины. Шар взметнулся вверх. Но радоваться они не спешили. В страхе при-

жались к полу, смотря друг другу в глаза, ибо смотреть вниз, у них не было никакого желания. Не таким они представляли оное путешествие. А воздушный шар всё поднимался и поднимался....

– Как думаешь, что взрослые делают в таких ситуациях? – нервно спросила Анжелика.

– Должно быть бьются в истерике. – нашел не слишком удачное время для шутки Эван, или наоборот самое то. – И как же здорово быть ребенком!

– Это почему? – прокричала Анжелика сквозь гул атмосферы.

– Нам не о чем сожалеть, кроме... – но его возглас потонул в неизъяснимом непроницаемом шуме.

Мечта Эвана исполнилась, а что бывает дальше мечты, никто не знает. Когда исполняется самое заветное желание, может быть, следует придумать нечто новое или нам остаётся лишь довольствоваться старым.

Над путешественниками по-прежнему нависали грозные серо-синие облака. Небо хмурилось, напоминая лицо мистера Чарка. Чем дальше пролегал их путь, чем выше они улетали прочь от земли, тем меньше кислорода им было отведено, отчего им становилось трудно дышать. По причине оных неудобств дети плотно прижимались к стенкам корзины, затем и вовсе свернулись калачиком на дне корзины. И Сэм вряд ли бы сейчас стал им завидовать.

В данное мгновение они действительно были напуганы.

Однако вскоре нехватка воздуха, та бешеная циркуляция склонила их в сон, и они забылись, они заснули.

Глава седьмая: Виновница дождя. Настоящий полет на настоящих крыльях. И почему так тяжело прощаться с привычной болью

Эван проснулся с осознанием того, что путешествию пришел конец. Их воздушный шар завис над облаками, но дышать здесь стало намного легче. Рядышком Анжелика мирно посапывала, наклонив головку ему на плечо, такой спокойной он её никогда не видел. Спуститься ближе к морю или к оставшейся суше, возможным было, только если уменьшить огонь в горелке, который и так вовсе потух, газ в баллоне кончился, а брезент потерял всякую форму, висел, словно мокрый носок. В общем, картина, представилась безвыходная. Однако мальчик по неведомой ему причине не отчаялся, надежда, словно не умерла, даже после таких неслыханных контузий. Ему ничего не оставалось, как встать и оглядеться.

Странным было место, где они очутились. По всему виду они парят в небесах подобно птицам, вокруг белоснежные пуховые барашки, одним словом – очень красиво. Вскоре он увидел, что они будто причалили к некой пристани, к до-

рожке упругого света, или к дорожке твердых облаков. Тропа вела неизвестно куда, но сердцем своим он чувствовал, что она ведет туда, где ранее неразрешимое, наконец, разрешится. Для верности положил на дорожку мешок, и тот устоял, значит, поверхность тропы твердая, по ней можно идти, не опасаясь за свою жизнь. Затем мальчик решился вступить на своеобразный световой помост, покуда девочка спит. Покуда он не придумал что-нибудь лучше сего безрассудства, Эван решает осмотреть столь загадочное явление.

Он неуверенно ступал по сказочной тропе, а мимо него проплывали облачка, похожие на сладкую вату, которую так и хотелось укусить. Он дотронулся до облачков, но те оказались совсем не липкие, на ощупь они схожи с пеной в ванне, однако на вкус не стал дегустировать. Мостик казался узеньким, словно был создан специально для ребенка. Холодно не было, в колючем свитере тетушки Марты всегда тепло.

Известно, что любая дорога к чему-то или к кому-то приводит. Путь Эвана вскоре окончился неопишуемым зрелищем. На обрыве дорожки разметалось крупное скопление облаков, на коих восседала девочка в белом платье. За её спинкой располагались два белоснежных крыла, словно у лебедя, ручки её были опущены вниз, а ладошки собраны в форме чаши, та плакала, и слезы постоянно текли из её светлых глазок, падая прямиком в мраморные длани. Когда своеобразная чаша наполнялась, она разводила ладони в стороны. И слезная влага падала вниз, разлетаясь на сотни отдель-

ных капель, превращаясь в жестокий дождь.

Мальчик застыл перед ней словно замороженный. Но в том печальном существе он увидел обиженного на весь свет ребенка, каким был и он сам. И поэтому, сожалея, спросил у неё:

– Почему ты плачешь?

Девочка подняла надутые очи на незнакомца. Продолжая источать слезы, она мелодичным голоском ответила:

– Мне стало грустно. Иногда нам, ангелам, позволено посещать людей, позволено созерцать то, как они живут. Я совсем ещё маленькая, но мне было любопытно посмотреть на вас. Потому я тайком спустилась с небес. Сверху увидела деревеньку с красивым именем Персифаль. – тут она воззрилась на него, словно припоминая лицо мальчика. – Мы, ангелы, ведаем лишь добро, любовь, смирение, и потому ожидаем увидеть только то, что в сущности нашей заключено. Но когда я невидимо посещала людские дома, я всего этого не различила. Мы чувствуем каждый добрый импульс человеческой души. И тогда я поняла, сколь тяжело быть Ангелом Хранителем, но мы призваны к смирению, к неотступной помощи человеку, тому венцу творения. А я, такая маленькая, не смогла выдержать натиск тех горестей и скорбей людских, той злобы и ненависти, кои обрушились на меня. Я сострадательно впитала всё то, что ожесточало сердца людские. И не осилив той боли, взлетела ввысь, опустилась на облака и впервые заплакала. И плачу и по сей день. Столь

велика скорбь, заключенная во мне. Из моих глаз сочится нескончаемый дождь, и люди познали мои слезы, но не смягчились, не образумились, а более того вознегодовали на свои жизни, позабыв всякое доброе слово, они позабыли о Боге.

Эван был поражен её фантастическому рассказу, однако отыскал нужные слова утешения:

– Не ты виновница дождя, а мы. Скажи, каким образом нам всё исправить?

– Исправить? – переспросил ангелочек, словно не ожидая такого вопроса. – Есть только один добрый путь самопожертвования. Ты поможешь мне, и всему городу, если возьмешь ту боль на себя.

– И что тогда будет со мной? – спросил Эван.

– Дождь прекратится, но он прольется плачущими слезами в твоей душе. – ответила она.

– Когда я родился, я заплакал, и видимо таково моё предназначение. Я мечтал спасти город и я это сделаю. – уверенно произнес Эван соглашаясь.

Она подошла к мальчику. Коснулась пальчиком до его груди. Тут же сразу он ощутил прилив тяжести в душе своей, будто что-то отяготило его душу, все его мысли, чувства, мечты. А виновница дождя засветилась ярче, словно сбрасывая с себя бремя былого траура. Затем она опустила ручку, крылья на её спинке плавно затрепетали, она, кажется, даже начала улыбаться, а мальчик, кажется, навсегда разучился улыбаться.

– Ты спас людей, пожертвовав собой. – радостно произнесла она. – Но теперь тебе пора возвращаться домой.

– Да, я бы хотел вернуться домой. Но подожди. – вспомнил он. – Со мною ещё девочка, Анжелика, помоги и ей спуститься.

Эван думал, что отныне небеса станут его домом, но он ошибался.

– Хорошо. – ответил Ангелочек и полетел вслед за мальчиком.

Анжелика очнулась от прикосновения руки Эвана. Проснувшись, девочка сначала зевнула, затем разлепила глазки. Немного поморгав, подумала, что продолжает видеть сновидение, ведь перед ней парит девочка с крыльями за спиной.

– Эван, мы что умерли? – простионала она. – Я всегда знала, что твои идеи рано или поздно приведут прямиком на Небеса.

Но тот не ответил, мальчик показался ей унылым, каким-то молчаливым.

– Рай куда прекрасней. – улыбаясь ответил ангелочек.

После ангелочек взял девочку и мальчика за руки. Затем взлетел, взметнулся, потом медленно стал опускаться вниз. “Каким образом ангелочек смог выдержать такой вес, откуда такая силища в столь хрупком создании”. – наивно думали дети.

Они летели, разрезая облака, и внизу всё казалось таким маленьким, даже крошечным.

Дождь тем временем по всему виду закончился. Небо начинало светлеть проясняться, и, о чудо, выглянуло солнышко, впервые явилось за столько лет. Потому что ангелочек больше не плакал.

Они быстро спустились вниз. Вот уже стал близок город. Море под ним убывало, отчего показались верхушки деревьев. Она опустила их на крышу мельницы, кротко сказав – “До встречи. Мы непременно свидимся, когда придет ваше время” – и виновница дождя словно растворилась в воздухе, затем светящейся точкой показалась над облаками и исчезла в свете новорожденного светила.

Эван удрученно посмотрел ей вслед. Он боролся с поступающими слезами, лишь бы вновь не вызвать тот жестокий дождь, который он, жертвуя собою, победил, заточил в себе. На душе его всё больнее и больнее отзывались горечи мира сего.

И вправду этому путешествию пришел конец.

Тем временем Анжелика после такого умопомрачительного полета окончательно очухалась, взирала на просветлевшее небо, и налюбоваться не могла, сколь было красиво. Ибо солнышко выглянуло в полную лучезарность своего несравненного величия, и озарило своими лучами весь возрожденный Персифаль.

– Посмотри это всё ты, ты, Эван! Ты придумал построить

воздушный шар, ты отыскал ангела и ты уговорил его помочь нам. – радостно твердила Анжелика обнимая друга за плечи.

Но в ответ он лишь меланхолично взирал на возрождение всего сущего, желая лишь плакать, столь сильной была его невыплаканная скорбь. Ведь спасение далось великой ценой. Но он пообещал себе, пообещал всем, что от слез его не прольется дождь, от слез его не утонет город, не потонут его родители, его друзья. А только он сам душою захлебнется. “Пусть я один утону, и никто более” – думал мальчик, сочиняя такие строки:

*“Слезами своими я мог бы напоить весь мир,
наводнением оный затопив иль жажду обездоленных
утолив”.*

Но он позабыл о том, что всякая влага имеет способность испаряться под действием тепла и света, поэтому люди имеют силы бороться с напастями, бедами, со злом в душе. С Божьей помощью развеивается любой мрак, и тьма расступается. И да воссияет в душе каждого свет истины, ибо свет тот чист и непорочен.

Эван ощущал в душе своей целый ком чужих страстей, обид, и ему казалось, что никто не способен избавить его от сей злой ноши. Но он взглянул в радостные глаза девочки, кои светились счастьем и теплом. И тогда он сердцем истинно познал – всё непременно переменится, дождь в нем со

временем испарится, и душа его наполнится живой водой. Только в любви ко всем людям, заключается его воскресение.

2019г.

Автор повести: Козлов Евгений Александрович.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа моего друга Соколова Вячеслава, который специально для данной книги изготовил изображение. Я автор данной книги располагаю правом размещать данное изображение.